

Медведьев П.П. - "Зависшие" между мирами: самоубийство, эвтаназия, кровная месть

Вступление

*«Я был лучшим из задающих вопросы!»
Абу Али ибн-Сина*

Поводом для написания этой небольшой работы стала попытка автора лично для себя дать простой и чёткий ответ на вопрос: «Самоубийство — это хорошо или плохо?» Как мы знаем, против самоубийства многие авторитеты – Аль-Коран, Библия, Тора, Авеста и иже с ними. За самоубийство (а точнее, благородное самостоятельное прекращение жизни) — древние греки, римляне, японские самураи, языческие культы и т.п. Очень грубо можно сказать, что за возможность самостоятельного прекращения жизни (не желательность, а именно возможность, в случае необходимости) так называемое язычество, а против него – монотеистические религии. Хотя действительно следует признать, что это предположение достаточно грубо, но даже оно, по большому счёту, не в силах пояснить как должен относиться к самоубийству современный человек.

Серьёзный перелом в осознании собранного на эту тему материала произошёл, когда стало ясно, что сталкивать между собой авторитетные точки зрения бессмысленно. В них слишком много неясностей, неточностей и недоговорённостей. Часто религиозные системы построены на совершенно разных понятийных языках. И стало ясно, что для желания разобраться в этом вопросе, надо следовать каким-то иным путём.

Этот путь вскоре проявился – понадобилось узнать, что происходит после смерти с теми, кто умирает естественным путём и теми, кто лишает себя жизни самостоятельно. Пришлось вновь лезть в многочисленные книги и справочники, говорить со многими сведущими и несведущими людьми, ещё раз отвечать на те вопросы, которые уже казались решёнными. Однако, капля камень точит, и первым результатом стала первая жидкая ниточка объяснений, которая не сколько что-либо объяснила, сколько породила дополнительное количество вопросов. Стало понятным, что обособленно рассматривать вопрос о самоубийстве невозможно. Если мы хотим его осознать достаточно глубоко, придётся разбирать и массу сопутствующей информации. Со временем её накопилось столько, что с жаром и увлечением стала писаться книга — ибо нет более увлечённого человека, чем «полузнайка», стремящийся передать свои только что обрётённые познания кому-нибудь другому.

Однако время шло, эмоции потихонечку улеглись и, наконец, наступил момент, когда смысл написанного стал доходить и до самого автора. Стало ясно, что книгу надо переделывать. И она была переделана, а потом ещё раз, и ещё... Для тех, кто когда-либо пробовал писать книгу, такой процесс понятен и узнаваем. Большинство из нас, стараясь разобраться в проблеме, пишут и переписывают свои книги далеко не единожды. Это нормально. Индуистская философия, например, учит, что человек проходит 6 стадий знакомства с предметом:

На первой стадии (приближение) он взглядом знатока оглядывает предмет издали и почти убеждает себя, что даже знакомиться с ним бессмысленно. Ничего нового познать не удастся и явно не стоит уделять этому предмету своё столь драгоценное время. Однако, что-то неуловимо-притягательное останавливает знатока и он сам, не слишком зная почему, делает первый робкий шаг навстречу

С этого момента начинается *вторая стадия — знакомство*. Она характерна неуверенным и недоверчивым топтанием «вокруг да около», с периодическим прикасанием к предмету своего интереса. Рыбка пробует наживку. Мелкое покусывание убеждает её, что здесь есть чем поживиться. Тогда рыбка примеривается и уже волне осознанно бросается на добычу.

Отсюда начинается *стадия третья — восторженное восхищение*. Червячок на диво как вкусен и приятен. И с этого бочка и с того. Так для изучающего какую-либо науку оказывается удивительным, сколь многими гранями обладает предмет его интереса. Сколько радости настагает ищущего. Сколько раз он произносит: «Так вот как оно на самом деле устроено?!» Волны эмоций переполняют испытателя и он, потеряв всякий самоконтроль, бросается на предмет своего вожделения.

А это означает, что его накрыла *четвёртая волна*. Волна под названием — *познание*. Рыбка полностью заглотила добычу. Её распирает от этого акта, она чувствует, как стала больше и могущественнее. Как больше и могущественнее ощущает себя человек, познавший нечто. Теперь у него нет щенячьего восторга, но зато есть нечто гораздо большее — состояние глубокого удовлетворения. Теперь, кроме радости, у него в наличии, оказывается, ещё есть и могущество. И это всё так, пока он вдруг не замечает, что его, помимо воли, куда-то начинает тянуть.

Ибо совершенно незаметно началась *пятая решающая стадия*. Оказалось, что в наживке наличествует крючок, привязанный к леске. И теперь рыбку тянут, причём неизвестно кто и неизвестно куда. Оттого рыбке и тягостно, и неудобно, и больно, в конце концов. Так сопротивляется любой человек, по уши влезший в изучение чего-либо. С одной стороны, он уже понимает, что обратного пути нет и теперь следует набраться сил и, несмотря ни на что, устремиться в неизведанное. Но, с другой, покинуть обжитое и освоенное — это так страшно. Подобная борьба может привести к совершенно разным последствиям. Рыбка может сорваться, пожертвовав при этом своей губой, жаброй или частью щеки. А может и устремиться в неизведанное. Что её там ждёт? Известно что — ибо наступает *шестая стадия*, и рыбка имеет неплохие шансы быть съеденной. Кто-то скажет: «Вот тебе радости-то быть съеденным!» Но мы посмотрим на это с другой стороны: ведь будучи съеденной, рыбка стала тем, кто её съел. Смешно — не смешно, но теперь она существует в более высокоразвитом теле, и это уже само по себе не плохо, особенно учитывая возможности этого тела. Важно лишь знать, что за наживку ты заглатываешь, и стоило ли её глотать в принципе...

Но это всё философские отвлечения. Книга написана и предлагается на ваше рассмотрение. Вполне естественно, что она не претендует на «истину в последней инстанции», но ряд полезных выводов из неё, с точки зрения автора, сделать можно. Так это или не так, каждый сможет решить для себя самостоятельно после прочтения. Анализ же вопросов, связанных с самоубийством, мы начнём несколько издалека, ибо, как гласит народная пословица: «Бешеной собаке семь вёрст — не крюк!». А для начала постараемся уяснить разницу между словами «мёртвый» и «покойник».

Глава 1

Мёртвые и покойники

Б. Гребенчиков: «В Петербург приезжала тибетская шаманка Лхамо, которую я знал еще по Катманду. И мы с ней чуть-чуть общались. Я расспрашивал её о массе вещей, которые меня всегда интересовали. Поскольку в нее ежедневно вселяется богиня, то у нее — естественно — несколько иное восприятие, чем у нас. Она сообщила ряд удививших меня вещей. Я долгое время подозревал, что нездоровая атмосфера Петербурга — результат раздражения нагов — то есть духов воды и земли. Что Пётр не там построил город и их разозлил. Лхамо же сказала мне, что с ними всё нормально. Они тут не хуже и не лучше, чем в другом месте. Но очень много мертвых душ. Я начал выяснять, что она имеет в виду. Она говорила про умерших, но не отпетых по христианскому обряду или не отпущенных как-либо ещё. Их не отпустили. И они без пути, они не знают, что им делать. Она сказала, что они особенно группируются вокруг ёлок. Оказывается ёлка — очень особенное дерево, впитывающее

негативную энергию. Вот почему её ставят на Новый Год. Она впитывает в себя весь негатив всего года и 1-го января выбрасывается, сжигается. Я не знал, что это так. В Тибете тоже есть такое, только с другими вещами, не с ёлкой. Она говорит — я вижу, что души просто гроздьями сидят на этих ваших ёлках. Очень много мертвых душ, как-то связанных с войной...»
АКВАРИУМ. Сны о чем-то большем. М., 2004

Как ни прискорбно, но одним из основных препятствий к пониманию путешествий в «иных» измерениях, является наша невнимательность к деталям. В целом, вроде бы, всё понятно. Когда же требуется прояснить ключевые тонкости, мы оказываемся в трогательном неведении. Либо используем слова, совершенно не задумываясь о той смысловой нагрузке, которую они несли изначально. Вопросы терминологии не терпят беспечного отношения, в противном случае, слушатель или собеседник получает превратное мнение о сути того, что нам необходимо выразить.

Подобная ситуация характерна и для слов «мёртвый» и «покойник». Для большинства из нас это слова - синонимы, которые, несмотря на явную корневую несхожесть, воспринимаются практически равноценно. А ведь они принципиально различны! Достаточно просто вдуматься в смысл. «Мёртвый» — означает неживой, в то время как «покойник» — это мёртвый принципиального иного типа. Это тот мёртвый, который уже проделал послесмертное путешествие и обрёл желанный покой.

Основной характеристикой мёртвого как раз и является его неуспокоенность, точнее — продолжающееся проявляться беспокойство. Он уже умер, но всё никак не может «отпустить» дела, которыми был связан ещё при жизни. В некотором смысле, умерший — существо на перепутье. С одной стороны, он только что покинул «этот» мир, в котором было всё так ясно и привычно. С другой - непонятны пути в мир «новый», мир покоя и блаженства. В своём «перепутном» положении умерший, по сути, развёрнут боком и к своему прошлому, и к своему будущему. В большинстве случаев (за исключением смерти совершенных людей), двинуться дальше и решить что-либо самостоятельно он категорически не способен. Он никогда ещё не бывал в подобном положении, и ощущает себя совершенно беспомощным в этой «пограничной зоне». Кто бы нам сказал, что когда мы умрём, то отлетевшая наша душа не будет обладать теми же возможностями, какими мы обладали, будучи живыми? Что не будет у нас ни воли, ни способности осмысливать ситуацию и осознанно принимать решения. В древних текстах умершего обычно уподобляют сухому осеннему листку, гонимому ветром. Его носят ветры его предыдущих мыслей и деяний. И в этом положении, для того чтобы двинуться дальше (а ему ой как нужно двинуться дальше), никак не обойтись без посторонней помощи.

Пограничная зона

Однажды супруга известного английского генерала Слимэна, сопровождавшая его в походе, обратилась к мужу, с необычной просьбой. Она настоятельно просила мужа перенести её палатку с того проклятого места, где она ночевала. Дама утверждала, что всю ночь какие-то мертвецы свирепо преследовали её. Посмеиваясь, генерал исполнил просьбу своей жены и отдал приказ перенести палатку, а на этом месте произвести раскопки. Каково же было его удивление, когда в результате раскопок были обнаружены тела 14-ти расстрелянных ранее преступников...

Пожалуй, стоит признать, что для многих из нас, воспитанных в пространстве современной атеистической культуры, за дверями смерти ничего нет. На этой посылке выросло такое количество поколений, что с девизом атеистов «А ты докажи!» мало кто может поспорить. Правда, наиболее любопытные или наиболее вредные, время от времени обращаются с тем же девизом к самим атеистам. Докажите, что, мол, с «той» стороны ничего нет. Однако,

атеистов «голыми руками» не возьмёшь — они смело бросаются в бой и поясняют нам, бестолковым, что для них ситуация совершенно иная. Ведь нет же предмета для обсуждения — значит и доказывать ничего не надо! Как говаривал Конфуций: «Невозможно поймать чёрную кошку в темной комнате, особенно если её там нет».

Такой подход действительно убедителен, но иногда кажется странным присутствие атеистов на похоронах и поминках. Вместе со всеми они стоят у гроба, произносят прощальные речи, кушают поминальную еду. «Уважаемые, а что вы здесь делаете? — с таким вопросом доводилось обращаться к ним автору данной книги, — ведь согласно вашим же утверждениям, за воротами смерти ничего нет! Извините, за кощунство, но перед вами просто мёртвое тело, единственное предназначение которого (с ваших слов) — быть выброшенным на свалку. Так почему же вы принимаете участие в подобных процедурах?»

На что они великолепно находят: «А мы не для себя. Не хотим обижать родственников. Культурная традиция, как-никак...» И на все доводы о том, что культурная традиция, быть может, и права — снисходительно машут рукой, дескать «Да брось ты...» Однако мы эту тему бросить не можем. Ибо считаем, что лучше сделать больше, чем надо, в деле помощи умершим, чем, не сделав, позже узнать, что они в нашей помощи нуждались, а мы её своевременно не оказали.

Итак, прежде чем мы уясним, что значит для самоубийцы *пересечение грани миров*, давайте попытаемся сформулировать, как это воспринимаем мы с вами. Вот мы умерли, и что дальше? У кого как, но у автора всплывают в памяти какие-то туманные бабушкины пояснения, что где-то «там» есть некие ворота, к которым ноги «сами несут». Ворот этих двое — одни в рай, другие — в ад. Перед ними стоит архангел, который, сверившись с каким-то особым списком, открывает те или иные двери. К этим примерным начальным рассуждениям стоит добавить наш неизменный оптимизм, что «всё будет хорошо».

Но, не дай бог, судьба нам «подсуропит» и наш мятущийся ум будет «копать» в этом направлении всё глубже и глубже. Тогда-то и последуют первые отклонения от простой и замечательной версии с архангелом. Оказывается, в культуре многих народов существует убеждение, что сразу после смерти душа не предстаёт ни перед какими воротами. Что сначала она достаточно длительное время (как правило, речь идёт о сроке от трёх дней и аж до года) пребывает в некоей пограничной зоне. Где, собственно говоря, и решается, куда и когда двинется душа умершего далее. У каждого человека этот срок разный, в зависимости от личных заслуг.

Древние египтяне эту зону называли «Аменти», что в переводе на русский язык означает «Запад». Потусторонний мир, называемый Дуат, виделся древним египтянам, расположенным на севере. Но для того, чтобы попасть на север, следовало пройти зону Запада — именно так ходит Солнце. Сначала оно приходит на запад, а потом движется на север. Так и с мирами — сначала умерший попадает на запад (Аменти), а лишь затем смещается на север (Дуат). Если ещё точнее, то область Аменти — это, скорее всего, даже не просто запад, а северо-запад. То место, где запад уже перетекает в север, но ещё не становится таковым. Иудеи называют эту область крайним западом.

В зрительном восприятии — эта область являет из себя сумерки, маленький промежуток времени между тем, как Солнце уже зашло, а звёзды на небе ещё не появились. Для преодоления этой непростой зоны, древние египтяне рисовали на стенах своих усыпальниц целые «путеводители», чтобы дать душе умершего правильный толчок и нужное направление. В саркофаг умершего клали папирусы, в которых, по возможности, подробно объяснялось, что, как и в какой последовательности он должен делать, дабы успешно преодолеть эту зону.

Интересно, что у болгар северо-западный угол неба ранее назывался «Бабина греда». Ещё он носил название «гнилого угла» и был известен тем, что именно оттуда, согласно народным верованиям, чаще всего приходит непогода и природные катаклизмы.

У буддистов «пограничная зона» географически, как правило, не обозначена. Лишь иногда можно прочесть в воспоминаниях тех, кто побывал на «том» свете и вернулся обратно, что они шли на северо-запад. Зато само пограничное пространство достаточно чётко вычленяется и носит название — Сипа Бардо. Слово «Сипа» означает — становление, «Бар» — находится между, а «До» — приостановлен, подвешен, брошен. Всё это вместе следовало бы, пусть и несколько упрощённо, перевести как «Становление, происходящее в промежуточном состоянии». Одна из книг, обязательных для изучения этой темы буддистами, называется «Бардо Тодрол Ченмо», что в переводе примерно означает «Освобождение, достигаемое благодаря внимательному слушанию в Бардо». В европейской традиции она известна как «Тибетская книга мёртвых»¹.

Несмотря на впечатление обильности информации, в целом, приходится констатировать, что сведений о пограничной зоне в человеческой культуре осталось не так много, как того бы хотелось. Обычно большинство религий и мировоззренческих систем эту зону вообще не отделяют от потустороннего мира. В лучшем случае, как, к примеру, у греков, выделяют, кроме самого Аида, ещё и его луга — некое пространство, которое предшествует самому Аиду и, чисто теоретически, в него не входит. В иудаизме лугам Аида в целом соответствует Хацармавет, который переводится как «двор смерти». Двор, находящийся непосредственно перед самым жилищем смерти.

Однако, не столь уж важно, как называется эта зона и где она находится географически. Если мы принимаем суждение, что она существует, то гораздо важнее будет знание о том, что должен в ней делать умерший. Сколь долго он в ней должен пребывать? Может ли выйти из зоны раньше, и бывают ли случаи, когда из этой зоны не выходят совсем? Вопросов много, так что, давайте, рассмотрим их детально и по очереди.

О месте смерти

Для начала нам следует знать, что умерший, убитый или самоубийца является заложником того места, где произошла смерть. С точки зрения традиционной культуры, он буквально «привязан» к нему, и для того, чтобы его с этого места «сдвинуть», живым необходимо приложить немало весьма специфических усилий.

Казалось бы, зачем? Нам, людям с высшим образованием, дипломами, научными степенями, наградами и прочим — что с того, что кто-то умер на конкретном месте. Вроде бы, ничего. Так мы считаем, пока не нарываемся на целую череду расстройств и неудач. Пока необъяснимым образом неизлечимо не заболевают наши близкие, начинают рушиться успешные прежде дела, происходят кражи или что-то подобное. И тогда мы вспоминаем о «чёрной полосе». Естественно, мы стараемся ее преодолеть — по мере сил, и даже пытаемся разобраться в причинах. Только в подобных случаях зачастую совершенно непонятно, почему всё происходящее происходит именно с нами. На определённом этапе рациональных объяснений становится мало, и тогда мы, без особой «задней» мысли, задаем вопрос об этом какой-нибудь дряхлой бабушке. И бываем порой удивлены ответом. Она говорит, что, дескать, нечего шастать туда-сюда мимо места, где кто-то умер. Мы возмущены — как это, мы же ничего не сделали, не то, что плохим словом, плохой мыслью не помыслили об умершем. Чего он на нас взъелся-то?

А оказывается — просто так. А если бы ещё было за что, то «получили» бы гораздо больше. То, что нам «досталось» — мелочи, нас лишь зацепило «по касательной».

---

¹ Очень созвучно тибетскому «Бардах» звучит «пограничная зона» у мусульман. По-арабски её название — «Барзах». Из-за особенностей арабской артикуляции звуков «з» иногда слышится и как глухое «д» или «т», так что можно даже подумывать и о полной схожести арабского и тибетского терминов. На санскрите пограничная зона известна как «АнтараЛока» («МеждуМирье») или «АнтараБхава» («МеждуСудебье»).

Безусловно, можно считать происходящее ерундой, можно возмущаться несправедливостью или доказывать, что никакого «потустороннего» воздействия не существует, — это несколько не отражается на реалии жизни. Принимать ее или не принимать — личный выбор каждого. Наши предки, к примеру, принимали. И случись им увидеть место, где кто-либо умер, — обходили стороной, как мы обходим злобного пса, сидящего на цепи. А если не было возможности обойти, то в знак уважения клали камешек или веточку на это место. На всякий случай, чтобы «хозяин» этого места к ним не привязывался. А то ведь бывало по всякому...

Давайте представим следующую ситуацию. Утром русские крестьяне выходят на околицу своего села и видят труп какого-нибудь «калики перехожего», умершего там ночью. Что делать? Безусловно, можно отнести его на кладбище и похоронить, однако селяне прекрасно знают, что это не решит возникшей проблемы. Да, тело действительно окажется на кладбище, но совсем не значит, что туда же последует и душа умершего. Что особенно важно, не просто последует, а главное — там и останется! Крестьяне знают, что в данном случае ничего хорошего не получится, так как душа, в виде призрака, будет «курсировать» между местом своей смерти и местом погребения. Согласно её новым возможностям, она может быть одновременно и там, и там. Причём будет не просто «курсировать»: неудовлетворённая своим «призрачным» состоянием, она будет досажать проходящим мимо, привнося в их жизнь беды, невезение и страдания.

Крестьяне, безусловно, хотели бы избавиться от нежданного «подарка», но сделать ничего не могут. И одна из главных причин этого — отсутствие каких-либо сведений об умершем. Без знания «сакрального» имени умершего и его религиозной принадлежности весьма сложно «закрепить» призрак души за остывшим телом. А без этого нет возможности, перенести тело на место погребения, «замкнуть» его там. Нет никакой гарантии, что этот призрак не станет появляться на месте своей смерти, формируя пресловутую «черную полосу» неудач.

Стандартный вариант

Человек, лежащий на смертном одре из травы дарбхи и листьев туласи, на земле, покрытой коровьим навозом, получает полное очищение, подобно тому, кто выполнил искупительные обряды.

Гаруда-Пурана II, 19,27

Чтобы прояснить детали того, как эти самые крестьяне «выкручиваются» из сложной ситуации, давайте рассмотрим похороны их односельчанина, умершего обычной смертью.

Во-первых, ему не позволят умирать на обычной кровати. Смерть на ней осквернит как её, так и место, где она находится. Если такое произойдёт, то кровать следует сжечь как нечистую, а самое место подвергнуть суровому очищению, прежде чем его займёт другая кровать. В противном случае говорить о возможности удаления души умершего из этого дома вряд ли получится. Все, кто после этого решится спать на этой кровати, «поимеет» весьма нежелательные «контакты» с душой умершего.

Так что в русских деревнях умирающего старались, по мере приближения к смерти, переложить на смертный одр. «Одр» (от слова «драть, отдирать») означает настил из сломанных, но не срубленных или спиленных деревьев. Такой метод изготовления смертного одра предполагал особую, некультуренную природу создаваемого настила. Нахождение на нём, в некотором роде, облегчало умирающему возможность покинуть этот мир. Находясь на «одре», он как бы «отрывался» от окультуренного пространства, что позволяло ему умереть более лёгкой смертью².

---

² Этому же правилу следовало и приготовление смертной одежды. Ткань отрезалась не ножницами, а камнем или пламенем свечи. В некоторых случаях просто отрывалась. Шить надо было с изнанки, «на руках», левой рукой,

Чаще всего этот «одр» делали на санях, ибо у славян было принято, независимо от сезона, именно на санях, своего рода «земных кораблях», отвозить умершего на кладбище³. В сани обычно запрягали старую и бесполезную в хозяйстве лошадь, которую после поездки на кладбище полагалось умертвить. Дабы через неё умерший не нашёл бы обратного пути домой. Со временем понятие «одр», как особое лежбище на санях, перекочевало на название самой лошади. И в современном русском языке «одр» означает именно старую и бесполезную лошадь.

«Прошка лёг под образа, да и выпучил глаза»
Русская пословица

Но на санном «одре» умирали не всегда. В ряде селений и местностей был «смертный одр» и в избе. Он представлял собой особую «смертную» лавку, которая (из-за особых своих качеств) всегда находилась в «нечистой» части избы (в сенях, у печи или у порога). Когда у человека становились видны признаки оставления «этого» света (округление глаз, убегание с его тела вшей, заострение или скашивание набок кончика носа, резкое посинение переносицы, неожиданно сильное «побеление» верхней губы, дыхание сразу через две ноздри и пр.) его перекладывали на ту самую смертную лавку⁴. Кроме подобных случаев, лавка использовалась для целей лечебной магии, ночёвки чужаков (странники, нищие, пастухи и пр.), обрядов отправления членов семьи «на чужбину»⁵ и т.п.

И вот крестьянин умирал. После трёхдневных бдений над ним, практически безостановочного чтения молитв, родственники совершали обряд выноса покойного. Если это действие выполнялось правильно, то дух (призрак) умершего должен был проследовать за своим телом⁶. Родственники же прилагали особые усилия, чтобы он не просто проследовал, но и «забыл» место своего умирания. Для этого умершего выносили вперёд ногами, не касаясь при этом дверных косяков, трижды опускали гроб и т.д. Причём, весьма желательно было тело выносить не в дверь, а в окно или двери хлева, который обычно вплотную примыкал к жилой избе. Иногда даже разбирали часть северной или западной стен.

Для того, чтобы надёжнее «запутать» призрак умершего, похоронная процессия двигалась на кладбище самой длинной и самой извилистой дорогой. Сани с умершим по несколько раз

«на живую нитку», от себя, исключались узлы. Нельзя было готовить смертную одежду в праздничные дни. Часто её просто не дошивали до конца.

³ В древнерусском языке выражение «сидеть в санях» зачастую означало — «быть одной ногой в могиле», «ожидать смерти».

⁴ В принципе, для людей с повышенным порогом чувствительности (малые дети, глубокие старики, нищие, убогие, тяжелобольные и пр.), особенно если они находились в повышенно-эмоциональном состоянии, была возможность впрямую «видеть существ», свидетельствующих о предсмертном состоянии умирающего. Обычно считалось, что если провозвестники судьбы (духи болезней, смерть, ангел и пр.) находятся в ногах умирающего, то его смерть неизбежна. Если же они находятся «в головах» — то ситуация находится «под вопросом».

⁵ Последний обряд, несколько в изменённом виде, сохранился и в современной городской культуре. Согласно нему, перед поездкой куда-либо, отъезжающий должен некоторое время посидеть на стуле («присесть на дорожку») в молчании, а затем уже трогаться в путь. Смысловая подоплёка данного обряда состоит в том, что отъезжающий как бы маскируется. С помощью магических процедур (нахождение на смертной скамье, неподвижность, молчание) он как бы временно умирает для «этого» мира, что позволяло ему относительно безопасно выходить в «чужой». Данные действия, в совокупности с особой «выходной», то есть предназначенной для выхода в «чужое» пространство, одеждой, позволяли ему стать своего рода единообразной природы с «чужбиной». Что, в свою очередь, отводило от него внимание многообразных недоброжелательных сил, заполняющих чужое «неокультуренное» пространство.

⁶ У буддистов, для обеспечения возможности правильной «транспортировки» тела умершего к месту кремации, священнослужитель привязывал свой шарф к трупу. Это должно было способствовать обязательности «закрепления» души умершего за его мёртвым телом и гарантированную транспортировку их на кладбище.

заворачивали на одних и тех же перекрёстках. Лошадь, на которой тело усопшего везли на кладбище, нередко перепрягали перед возвращением домой.

Оставшиеся в доме старались сделать его неузнаваемым для умершего. Сразу за погребальной церемонией закрывали и даже иногда завязывали на полотенце входные ворота. В доме переставляли мебель, переворачивали вверх ножками столы, стулья, табуреты, стремились «смыть» все следы почившего. Мыли и перемывали стены, лавки, пол, посуду. По «смертному одру» сначала наносили удар топором, чтобы отсечь смерть, а затем выносили в курятник, чтобы его мог «опеть» петух — известный гонитель нечистой силы. Все эти процедуры должны были закончиться к моменту, когда умершего похоронят.

Возвращаясь к похоронной процессии, следует также упомянуть, что за пределами села на первом же перекрёстке она обязательно останавливалась. Гроб с усопшим на некоторое время ставили на землю. Это делалось на случай возможного «сбегания» души с кладбища. В таком случае «беглянка» должна была счесть местом своего умирания не то место, где она действительно отходила от тела, а место остановки погребальной церемонии. И «зависнуть», соответственно, над ним. Только после остановки на первом перекрёстке, тело приносили на кладбище, где священнослужитель молитвами «замыкал» его в пределах кладбищенской ограды и указывал умершему дальнейшее «направление движения».

Действуя подобным образом, крестьяне почти гарантированно могли избавиться от призрака умершего не только в пределах данного дома, но и в пределах всего села. Что же касается случая, когда чужой труп обнаруживали на территории крестьянской общины — здесь дело обстояло сложнее. Селяне не то что бы рисковали что-то неправильно сделать в ритуале — они не могли его исполнить в принципе. И причиной здесь, как мы уже упоминали, являлось то, что умерший был не известен хоронящим. Они, при всём своём желании, не имели к нему «доступа». Кодом доступа является вероисповедание и «секретное» имя, которое получил этот человек, входя в лоно данной системы. Если оно не известно — все усилия окружающих по «вытеснению» его души с места смерти были бесполезны. Призрак умершего на весьма неопределённое время зависал сразу в двух местах: на месте смерти и на месте хоронения.

В подобных случаях, в русских деревнях обычно делали максимум из возможного в сложившейся ситуации:

- Во-первых, умершего оттащивали в какую-нибудь яму, далеко за пределами села и просто закладывали его ветками. И так как его не зарывали в землю, а лишь закладывали ветками, то он (мёртвый) с тех пор назывался «заложным мертвяком». Засыпать его землёй было нельзя, ибо земля не могла принять «нечистое». Если же люди нарушали этот запрет, она мстила им неурожаями, ураганами, засухами и заморозками. Дабы никто случайно не мог пройти вблизи места «заложения», его метили - ставили рядом или прямо сверху небольшой ветхий сарайчик.
- Во-вторых, метили и само место, где случилась смерть чужеземца. Здесь ставили маленькую часовенку, куда всякий проходящий должен был (во избежание злобного внимания со стороны неупокоенного мертвяка), положить своего рода плату за проход — щепочку, камешек или что-либо ещё⁷. По крайней мере, помянуть добрым словом. Данное действие получило название «на помин души».

7

Тем, кому интересна эта тема, рекомендуем обратиться к работам замечательного русского этнографа Д.К. Зеленина и, в частности, к работе о «заложных» мертвяках (которые, правда, у него называются покойниками).

В принципе, при наличии определённых условий, подобные места (то есть места, неблагоприятные для человеческих существ), видны даже невооружённым глазом. В частности, у белорусов Витебской области считается, что над местом, где погребён «неуспокоенный мертвяк», при отсутствии солнца всегда роятся стайки мушек. У украинцев Житомирщины с мухами связано следующее убеждение: если по дому, бестолково жужжа и вяло тыкаясь во все стороны, летает особо приставучая, так называемая, «осенняя муха» — значит, в дом вернулся «неуспокоенный мертвяк». Это предубеждение относится именно к тем мухам, которые, согласно временным реалиям, должны были «уснуть» на зиму, но по каким-то непонятным причинам этого не сделали. Местные жители утверждали, что в образе особо прилипчивой и надоедливой мухи как раз и является неуспокоенная душа человека, умершего в этом доме ранее. Этим же и объясняется её особо болезненная «кусучесть».

Поведенческие особенности неуспокоенных мертвецов (причём не только человеческих), время от времени использовались и в охранно-оборонительных целях. К примеру, на Витебщине, чтобы волки не нападали на скот, жители села совершали обход вокруг села с головой собаки, загрызенной волками же. В Полесье, чтобы уберечь ткацкий станок от сглаза, его крестили убитой сорокой. У сербов в Юрьев День практиковались коллективные обходы села с петухом или змеей, помещёнными в тыкву. После обхода их закапывали в землю для защиты села от града.

Естественно, что закапывали и замуровывали живьём не только животных. Случалось, что в стены домов, мостов и иных строений замуровывали ещё живых людей. Часто подобный обряд совершали представители различных сект при строительстве ворот и прилегающих к ним привратных башен зданий особой важности. Живой человек, зацементированный в такую башню, становился своего рода магическим заслоном против всех, кто без разрешения пытался миновать эти врата. Безболезненно, с магической точки зрения, мимо него могли пройти только те, кто, зная о «секрете» ворот, произносили в дверях особую формулу, ограждающую от невидимого «стража». Полную или хотя бы частичную неуязвимость также могли обеспечить:

- Одежда со специальными знаками.
- Амулеты.
- Напитки или пища, состоящие из особых ингредиентов (этими ингредиентами, как правило, были те же продукты, которыми перед смертью кормили будущего «магического стража» до замуровывания).
- Предварительный громкий стук в дверь (теоретически считалось, что громкий звук способен отогнать или лишить дееспособности демонические существа).
- Вхождение только с разрешения хозяина.

Не менее распространёнными вариантами было захоронение «хороших» (имеющих счастливую судьбу, незлобных, добрых и порядочных) родственников под дверным порогом. Тех, про кого с полной гарантией можно было сказать, что они в своём послесмертном существовании не нанесут вреда живущим. Эти «добрые родичи», с одной стороны, препятствовали проникновению в дом «злого», а с другой, в силу «положительных» черт характера, «узнавали своих» и беспрепятственно их пропускали.

Траур

***Знай, что смерти роковая сила
Не смогла сковать мою любовь.
Я нашла того, кого любила,
И его я высосала кровь***

*И покончив с ним, пойду к другим я.
Я должна идти за жизнью вновь,
Мной теперь владычествует сила
Уходящих под земной покров.*

Гёте, «Коринфская невеста»

Если у хоронящих не было чёткой уверенности, что умерший не будет «являться» в селение в качестве призрака, на короткий срок устраивали общий траур. В русском языке слово «траур», появилось, по всей видимости, из немецкого. «Trauer» по-немецки означает «печаль и скорбь». «Скорбь», пожалуй, один из лучших русскоязычных терминов для обозначения того состояния, в котором должны пребывать все, знавшие умершего ранее. «Скорбить» в русском языке понимается как «сохнуть, морщиться, коробиться, сжиматься». Все эти глаголы восходят к необходимости для оставшихся в живых изменить свой внешний облик. Это необходимо для того, чтобы, в некотором роде, «замаскироваться», сделать свой внешний вид неузнаваемым для умершего.

В Белой Краине, во избежание укусов змей, матери мазали руки и ноги своим мальчикам помоями, оставшимися от масленицы.

Размышляя подобным образом, родственники и друзья одевались в особую одежду, уместную для этих случаев. На неё обычно прикрепляли часть одежды самого умершего, которую, перед опусканием гроба в могилу, предварительно разрывали и раздавали всем, пришедшим на похороны. У мусульман с этой целью использовалась одежда умершего, а у православных христиан — рушник, которым усопшего предварительно перевязывали. Собравшиеся брали кусочки и прикрепляли себе на одежду. Данное действие предполагало, что природа лоскута сольётся с природой одежды участника похорон и, благодаря содеянному, вся она приобретёт «защитные» свойства. Считалось, что умерший не сможет «увидеть» живого в таком одеянии, так как «подобное не отличает подобное».

Кстати, данный лоскуток, будучи своего рода атрибутом мира иного, сохранял свою магико-защитную силу и позже. Он облегчал обладателю превратности путешествия за пределами своего, окультуренного мира (деревни, села, города). Лоскуток обеспечивал магическую защиту от всевозможных духов, через чью территорию путешествовал его хозяин. Обычай этот оказался очень живучим и, несмотря на утраченный смысл, остался в этикетке — в виде платочка, который обычно выглядывает из нагрудного кармана мужского «парадно-выходного» костюма.

Кусочки одежды умершего вшивали в детские вещи, в постельные принадлежности (лоскутные одеяла), в завесу, которая отгораживала новобрачных от остального жилища и т.д.

Кроме лоскутка из одежды умершего, возможны были иные способы «маскировки»: одевание платья «наизнанку», «задом наперёд», натирание лица сажей, посыпание головы пеплом, изменение причёски (женщины распускают волосы, мужчины не стригут), выстригание плечи, вырывание волос, хождение без обуви, изменение имени и т.д. Особенно полезным было применение не одного такого способа, а максимальной их совокупности.

Протяжённость траура, в некоторых случаях, напрямую зависела от ряда показателей и, в частности, от степени родства. Вдовы и прямые наследники должны были соблюдать правила траура в течение года. Остальные родственники — желательны 40 дней, все же прочие (в зависимости от степени личной близости с умершим) — 9 и менее дней, минимум — 3. Точное количество дней вряд ли когда можно было указать точно — несмотря на определённые правила, с каждым умершим это следовало отсматривать отдельно.

Гораздо чаще траур распространялся на всех родственников и предполагал разные модели поведения, в зависимости от срока. К примеру, у древних иудеев траур делился на 4 части:

1. Три дня — глубокий.
2. Семь дней — скорбящие не появляются на улицу.
3. Тридцать дней — ношение траурных одежд.
4. Один год — отказ от музыки и удовольствий.

Для более точного определения сроков траура, в первую очередь следовало учитывать личность умершего. Чем более «зловредным» характером он обладал, чем большим было количество его «завязок» с живыми, тем строже должны были соблюдаться правила траура.

Однако далеко не всегда причиной «излишнего внимания» к живым являлись сами умершие. Достаточно часты были ситуации, когда живые из-за сердечных привязанностей, что называется, «не отпускали» умерших. Не отпускали, и потому становились невольной «добычей» предмета своей страсти. Подобное поведение нередко приводило к психическим расстройствам, физическим недомоганиям и истощениям. Чтобы защититься, знающие люди рекомендовали скорбящим носить на себе медальоны, в которых хранились частички умершего (волосы, его изображение, земля с могилы, воск с покойницей свечи, обручальные кольца и проч.).

Ещё раз повторимся, в целом, все защитные приемы особенно важны в тех случаях, когда с погребением и поминанием умершего были какие-то проблемы, как то: самоубийство, смерть на чужбине, смерть от несчастного случая («задрал» медведь, убило молнией, придавило упавшим деревом и т.д.) В этих случаях оставшимся в живых надо было успеть принять адекватные меры, чтобы защититься от возможного внимания «неуспокоенного мертвяка».

В случае смерти известного человека, родственникам умершего следовало разослать известие о трауре всем, кто его знал, чтобы те также могли позаботиться о своей безопасности (то есть изменить одежду, завесить зеркало, отказаться от начала дел и т.д.) В особых случаях (смерть правителя, важного государственного деятеля, народного героя) объявлялся общегосударственный траур, дабы все знавшие его могли предпринять меры защитного характера.

Формирование нового тела

Одиноким рождается живое существо, одиноким же и умирает. Положив на землю, как полено, мёртвое тело, родственники уходят, отвернувшись. Сопровождает его лишь только его «карма». А посему, следует накапливать добрую «карму», чтобы обрести себе спутника в «ином» мире. Ибо с хорошей «кармой» он преодолет даже непреодолимое.

Манава Дхарма Шастра (IV, 240-242)

Наверное, вы не поверите, но в списке того, что нужно человеку для достижения упокоения в «мирах покоя», первым пунктом идёт потребность в обретении «нового» тела. Хотя с другой стороны, это так естественно и понятно: раз мы переходим в «иной» мир, то существовать в нём мы можем только с «иным» телом. А значит, наша душа для своего дальнейшего существования должна обрести новые формы или, если хотите, новые одежды. Без них — никуда! И что же мы знаем об этих новых формах?

К примеру, у нас есть ряд свидетельств от тех, кто там побывал и эти новые формы повидал. Верить им или нет — личное дело каждого, но просто отбрасывать в сторону эти свидетельства, пожалуй, не правильно. То, что мы сами подобного опыта не имеем, — не повод игнорировать свидетельства очевидцев. Случись такое с нами, тоже никто не поверит.

Так что исследователю лучше всего эту информацию к сведению принимать — может быть, когда-нибудь и сработает.

Итак, свидетельства. Вот, в частности, одно из них. Нам его оставил небезызвестный Плутарх Херонейский в одном из своих произведений — «Почему божество медлит с воздаянием»:

«Некий Феспесий из Сол (Киликия), родственник и друг Протагора, однажды упал с высоты и стукнулся затылком. Последовал глубокий обморок, из которого его не могли вывести и, сочтя мёртвым, решили похоронить. Перед самыми похоронами он вдруг неожиданно пришёл в себя и рассказал следующее:

«Как только мой дух отделился от тела, я сперва почувствовал то, что чувствует пловец, сорвавшись с корабля в пучину. Потом я словно вынырнул, и мне показалось, что дыхание моё восстановилось. Я огляделся, и душа моя раскрылась как сплошной глаз.... Через некоторое время я увидел поднимающиеся снизу души умирающих, они имели вид огненных шаров. И когда они лопались, то из них выходили фигурки человеческого вида, но совсем маленькие...»

Этому же, отчасти, вторит «Гаруда-Пурана», авторитетный древнеиндийский источник, которому примерно 1500 лет⁸:

«Умерший сбрасывает тело, как змея старую кожу. Возникает человек, размером с большой палец, ветрообразный, страдающий от голода».

Кроме того, «Гаруда-Пурана» утверждает, что у этого «мальчика-с-пальчик» есть одна интересная особенность — он «атива́ха», то есть «носимый ветром», или «ветрообразный». Если говорить доступней, этот человек, этот мальчик-с-пальчик — призрак. Бестелесное существо, трагически зависающее над местом своей смерти в совершенно непонятной для него реальности.

*«Боги, доподлинно так есть в Аидовом доме подземном
Дух человека и образ, и он совершенно бесплотный...»
Слова Ахилла, что увидел во сне
своего убитого друга Патрокла.
(«Илиада. Песнь 23)*

Но почему бы и нет, если таковое предполагает та реальность, в которую мы перетекаем после смерти? Хотя перечень существ, населяющих пограничную область, куда как более широк. Кроме призраков, здесь обитают русалки, кентавры, шуликуны, зморы, и многие-многие прочие, чей неполный список можно найти в любой энциклопедии сверхъестественных существ. Всех их отличает одна очень важная особенность — их тела не доделаны. Часть тела у них человекоподобна, а остальное — нет. В силу этого, пограничную зону, чисто условно, но можно было бы назвать областью «недоделанных» существ. А уже за ней расположена область совершенных существ, и путь каждого из нас лежит именно туда.

Правда, путь-то лежит, но толку от этого мало, ибо ни в теле призрака, ни в теле русалки, ни в теле козлоногого сатира, ни в каком-либо ещё теле-недоделке туда не попасть. Умершего и ставшего призраком человека здесь поджидает огромное разочарование. Даже какое там разочарование — настоящее горе, ибо он сам, лично, в этом «ином» мире просто не в состоянии добыть для себя это «новое и совершенное» тело.

Сказанное выше исключительно важно. Главное, что стоило бы вынести для своего развития из этой работы, — это, по сути, всего две фразы:

---

⁸ Принято считать, что древнейшие части «Гаруда-Пураны» написаны в 4-7 веках нашей эры.

«Особенность мироздания состоит в том, что тело, которое понадобится человеку в «ином» мире, создать можно только в «этом»! И почти-почти всегда — только своими усилиями».

Вспоможение

«А как же помощь, — спросите вы, — как же усилия родственников, близких, или, более того — религиозного наставника? Получается, всё, что они сделают после нашей смерти, — напрасно?»

Безусловно, нет. Однако всегда следует отличать базис и надстройку, первичное и вторичное, главное и второстепенное. И нам следует знать, что всё, что сделают для нас они, — лишь оформление и окультуривание того, что сделали мы, сделали для себя сами. Мы сами своими поступками создаём себе будущее — они его оформляют. Мы создаём лицо — они прорезают на нём глаза и рот. Мы создаём органы для приёма «иной» пищи — они нам её поставляют. И так далее. Если мы сами для себя не заложили прочной основы, вся их практическая деятельность фактически бесполезна.

Мы утверждаем так, несмотря на то, что в практиках многих народов мира, во многих религиозных системах существуют и достаточно широко применяются различные способы «стирания грехов» умершего его родственниками, друзьями или религиозным наставником:

У хорезмских узбеков и таджиков есть обычай под названием «давра», что переводится как «выкуп грехов умершего». Для его выполнения в общине некий человек объявлял себя желающим взять на себя «грехи» умершего. Эта процедура проходила ещё до выноса тела на погребение. Мулла спрашивал у искупителя, согласен ли тот взять на себя грехи умершего, и получал утвердительный ответ. Поскольку взрослый человек практически всегда грешен, этот «вопрос-ответ» повторялся столько раз, сколько лет умершему. Минус 12 лет для мужчин и 9 лет для женщин, то есть тех лет, когда человек считался несовершеннолетним, а значит безгрешным.

В целом, этот обряд широко известен в мусульманском мире, но восходит, по всей вероятности, к домусульманским временам. Искупители грехов существовали и в Древней Греции, и в Древнем Риме. Они добровольно брали на себя не только грехи какой-то конкретной личности, но иногда и грехи всего города. Например, во время эпидемии или просто раз в год, для «профилактического очищения». В частности, в Древнем Риме, человека, взявшего на себя грехи того или иного города, кормили отборной пищей и исполняли все его желания в течение целого года. А по истечении этого срока облачали в священные одеяния и забивали.

В понятийном плане эта операция выглядит вполне логичной, но если перевести её в практическую плоскость, то исполнителям придётся столкнуться с рядом сложностей:

- Во-первых, человек, который изъявил желание принять на себя грехи другого человека, должен быть исполнен высокой степени искренности.
- Во-вторых, исполнитель обряда (священник) должен обладать возможностями провести данное действие.

На практике же мы обычно сталкиваемся лишь с внешним исполнением обряда. «Искупитель» якобы берёт грехи на себя, священник якобы содействует переводу, а собравшиеся являются пассивными свидетелями происходящего. Если мы обратимся к древности, то увидим, что действия такого масштаба, как перенесение греха с одного человека на другого — случаи крайние. И, как правило, «санкционированы» свыше. Здесь очень многое

зависело от священника, и он никогда не смог бы сделать что-то подобное, не будучи уполномочен на это верховным божеством. Ему бы просто не хватило энергии.

По сути, проблема искупления возникает из попытки человека «объегорить» мироздание. Мироздание предлагает: «Веди безгрешную жизнь, и после смерти ты обретёшь благое и радостное состояние», а человек постоянно настаивает: «А я хочу не только после смерти, я хочу ещё и при жизни!» И плевать ему (человеку) на то, что это невозможно, — он хочет! А спрос всегда рождает предложение, и раз он хочет, в конце концов, найдётся тот, кто с пониманием дела скажет: «Да, я обладаю такими возможностями! Я могу сделать так, что ты обретёшь желаемое!»

Дальнейшее — дело техники, ибо проверить, сняты ли с человека грехи или нет, практически невозможно. Если «переводчик, или очиститель грехов» сумеет убедить страждущего, он может потребовать взамен всё, что угодно. И, как мы знаем, требуют. И требуют немало, от ежемесячного гонорара до полного подчинения — как фантазия и потребности подскажут. Страждущему объяснят, что определённые заповеди, конечно же, надо блюсти. В церковь, конечно же, надо ходить, вызываясь вести себя не стоит и, главное, не стоит рассказывать окружающим о существующих договорённостях. Ну, а случись какой сбой — все мы люди, все мы человеки. Речь-то идёт всего лишь о сумме компенсации...

Тому, кто тешит себя иллюзией, что после его смерти родственники за «большие деньги» найдут кого-то, кому можно будет «сплавить» все свершённые прегрешения, — в добрый путь! Остальные трезвомыслящие должны знать, что надеяться в этой жизни можно только на собственные усилия. Никакие деньги и силы «этого» мира не способны что-либо сделать в «том». Никакие связи самых высших сферах никого не спасут. Ничего из этого мира вы не сможете «перетащить» в «тот». Как говорит народная мудрость: «В саване карманов нет!» Шанс же, что за нас «заступится» кто-то из Великих, настолько мал, что о нём можно забыть. А посему стоит взять себя в руки и ежедневными усилиями готовиться ко дню «X».

Но, всё же, что тогда делают родственники и друзья после нашей смерти? Что значат для умершего погребение и поминки, три, девять, сорок дней, годовщина со дня смерти? Неужели всё это пустое, самообман? Конечно же, нет. Эта деятельность по-своему важна и, по существу, подразумевает две составляющие:

- Похоронно-защитную, когда живые совершают процедуры по собственному «рассоединению» с умершим и защите от его возможных будущих козней.
- И поминальную, когда они помогают ушедшему сориентироваться на «том» свете, посредством кормления и снабжения информацией.

Не подумайте, что родственники в своих поминально-похоронных действиях руководствуются только «голосом сердца». Отнюдь! Голос разума также является немаловажной составляющей их побудительных импульсов. Каждый из них (если он, конечно же, не полный невежда) понимает, что если не помочь умершему упокоиться, всем его близким придётся иметь с ним «дело»! И уж он, «мертвяк», просто так не отвяжется. Так что уж лучше выполнить все необходимые процедуры, чем иметь «проблемы» и «гостей» в будущем. С другой стороны — ведь каждому из нас тоже когда-то умирать. Помогут ли тогда тому, кто сам отказал в помощи?

У русских о формировании и подпитке «нового» тела умершего родственники начинали заботиться практически сразу же. Одним из самых первых дел, следующих за смертью человека, было выпекание для него поминального блина. Первый блин, ещё горячий, смазанный мёдом, клали либо на сам смертный одр, либо в головах умершего, либо на окно, либо на божницу.

Тризна

У русских же (возможно, и у скандинавов, и у кельтов⁹), ранее, для обозначения процесса помощи в деле созидания «нового» тела использовалось понятие «тризна». Тризна (от санскритского корня **«трип»** — насыщать, удовлетворять) представляла собой многослойное и многоактное действие. Она подразумевает насыщение призрака умершего всем необходимым для оформления нового тела. Кроме особой пищи, «новое тело» потребляло и иные «ингредиенты». Их ему «поставляли» родственники и близкие посредством:

- ритуального плача,
- причитаний и поминаний,
- возлияний,
- погребальных сражений и состязаний,
- иных действий.

Вот какое описание тризны оставил нам арабский путешественник 10-го века Ахмед ибн Фадлан:

«Мне не раз говорили, что они делают со своими вождями в случае смерти, так что мне всегда хотелось познакомиться с этим, пока до меня не дошла весть о смерти одного выдающегося мужа из их числа. Итак, они положили его в его же могилу и покрыли её настилом на 10 дней, пока не закончатся кройки его одежд и их шивание.

Они же в те 10 дней пьют, сочетаются с женищинами и играют на сазе. А та девушка, что сожжёт себя вместе с ним, в эти 10 дней пьёт и веселится, украшает свою главу и саму себя разного рода украшениями и, так нарядившись, отдаётся людям.

Когда же наступил день, в который должны были сжечь его и девушку, я прибыл к реке, на которой находился его корабль. И вот он уже вытасчен на берег и для него поставлены 4 устоя и вокруг них поставлено также нечто вроде больших помостов из дерева. И стали тут они ходить взад и вперёд и говорить речью, для меня непонятною. А он, умерший, был ещё в могиле, т.к. они ещё не вынимали его.

В середину же корабля был поставлен шалаш из дерева и украшен разными кумачами. Скамьи были покрыты стёгаными матрасами и византийской парчой; подушки же тоже — византийская парча. Разложила это всё старуха и имя ей — ангел смерти. И я увидел, что она богатырка, здоровенная и мрачная. Она всем руководит и она же убивает девушек.

Потом они прибыли к его могиле, удалили с неё землю и извлекли его на том покрывале, на котором он и умер. И я увидел, что он уже почернел от холода той страны. Ещё они вытянули из его могилы набиз (алкогольный напиток), какой-то плод и лютню. Тогда они одели его в одежды и обувь роскошные и отнесли в шалаш на корабле. Туда же они принесли набиз, плод, разного рода цветы, ароматические растения и положили их рядом с ним. Потом принесли собаку, рассекли её пополам и бросили в корабль. Потом взяли двух лошадей и гоняли их до тех пор, пока они не вспотели. Потом рассекли мечами и бросили их мясо на корабле. Потом привели двух коров, рассекли их и также бросили в нём. Также было с петухом и курицей.

---

⁹ В гаэльском (древне-кельтском) языке для обозначения понятия перехода использовалось слово «Trasna»

Вокруг, в то время, собирается много мужчин и женщин. Они играют на сазах, и каждый из родственников умершего ставит себе шалааш поодаль от его корабля. Девушка же, которой надлежит быть убитой, разукрасившись, идёт к шалаашам родственников умершего и сочетается с каждым хозяином шалааша. И он говорит ей громким голосом: «Скажи своему господину, что я сделал это из любви и дружбы к нему!» Таким образом она обходит все шалааши. Когда же они с этим покончат, то, разделив пополам собаку, бросают её внутрь корабля. Потом отрезают голову петуху и бросают их (петуха и его голову) справа и слева от корабля.

Когда же пришло время спуска солнца, все собрались у чего-то сделанного ими раньше, наподобие обвязки ворот. Девушка встала на ладони мужей, а они подняли её на уровень этой обвязки. Там она сказала какие-то слова на своём языке, и они её опустили. Потом они подняли её ещё раз, и она проделала то же. Затем они проделали это в третий раз. Потом ей подали курицу, она отрезала курице голову и швырнула её. Они же бросили курицу на корабль.

Я спросил переводчика о её действиях, и он сказал: «Когда её подняли в первый раз, она сказала: «Вижу отца своего и мать свою!» Во второй: «Вот все мои умершие родственники, сидящие!» В третий: «Вижу я господина своего, сидящим в саду. Рядом с ним отроки и вот он зовёт меня — так ведите же меня к нему!»

Тогда они пошли к кораблю. Девушка сняла с себя два браслета и отдала их старухе — ангелу смерти. Затем сняла два бывших на ней ножных кольца и отдала их тем девушкам, которые ей служили. После этого та группа людей, которые перед тем уже сочетались с девушкой, делают свои руки устланной дорогой для неё, по которой она взойдёт на корабль. Перед тем ей подали кубок набиза, она запела над ним, а после выпила его. Потом ей был подан другой кубок. Она взяла его и долго тянула песню, в то время как «ангел смерти» торопила её войти в шалааш господина.

И я увидел, что она растерялась, что захотела войти в шалааш, но всунула голову между ним и кораблём. Тогда старуха схватила её голову и всунула её в шалааш, а затем и сама зашла вместе с девушкой. Затем вошли в шалааш шесть мужей из числа родственников её мужа и сочетались с ней в присутствии умершего. После этого они уложили девушку рядом с господином. Двое взяли её за руки, двое — за ноги, а двое — удушали её верёвкой. Ангел смерти стояла рядом и огромным кинжалом стала бить между рёбрами, пока двое её душили и пока она не умерла. Те же мужчины, что стояли в это время вокруг корабля, громко били палками в щиты.

Потом явился ближайший родственник умершего, взял палку и зажжёт её у огня. После того он задом пошёл к кораблю, держа зажжённую палку в одной руке, а другой прикрывая свой задний проход, ибо был он безо всяких одежд. И поджёт он корабль. Подул ветер большой, ужасающий и пламя охватило весь корабль. Не прошло и часа как всё это превратилось в пепел.

Русы же соорудили на месте это корабля нечто вроде круглого холма и водрузили в середину его большое бревно, написали на нём имя и удалились...»

Таковыми застал похоронные обряды русов Ахмед ибн Фадлан. Что он там придумал или додумал, мы уже вряд ли когда-то узнаем, однако, в качестве параллельного примера, можем рассмотреть поминальные процедуры индийцев, последователей бога Вишну:

Когда в древности умирал человек, исповедующий индуизм (в особенности это касалось вишнуитов), его родственники и, в первую очередь,

старший из законных сыновей (аураса путра), должен был проделать полный курс поминальных процедур. Этот курс состоял из 16 приношений «пинда» — шариков варёного риса, наполненных и пропитанных шестью ингредиентами (зёрна кунжута, молоко, топлёное масло, мёд, простокваша, патока). Согласно теории, именно из этих ингредиентов и должно было формироваться его «новое» тело¹⁰.

Непосредственно для «строительства» (а точнее для оформления) «нового» тела необходимо было совершить только девять приношений «пинды». Приношение 1-ой «создавало» голову, 2-й — шею, 3-й — плечевой пояс и т.д. Последнее 9-е приношение «создавало» стопы ног. Остальные же приношения, начиная с 10-го, служили для совершенно иных целей, в первую очередь — для кормления, т.е. поддержания сил уже воссозданного нового тела. В связи с этим менялся состав самой «пинды». В нее вводились дополнительные ингредиенты (к примеру, мясо), которые должны были способствовать удовлетворению потребностей нового тела.

Всего таких «пинда» следовало принести в количестве 16 штук. Первое приношение осуществлялось сразу после смерти человека, затем следовали ещё 11. После этого 13-я «Пинда» приносилась через полтора месяца со дня смерти (примерно на 40-49 день). 14-я и 15-я «Пинда» приносились в два полугодия, и замыкала всё 16-я «пинда», приносимая ровно в годовщину смерти.

Важно также знать, что если хоть одна из первых 9-ти «пинд» не была принесена, была принесена не во время или не правильным образом — у создаваемого тела возникала нехватка определённой части. В связи с этим, создаваемое тело утрачивало человеческие очертания, то есть вместо ступней появлялись лапы или копыта, вместо человеческой головы, к примеру, птичья и т.д. Возможно, именно это обстоятельство и породило население «пограничного» пространства всякого рода русалками, эльфами, волколаками и прочими существами с получеловеческими формами. Кроме них эту же зону населяют призраки, т.е. существа, которые после своей смерти не получили совершенно никаких приношений. И чьи тела, соответственно, не имеют вообще никаких форм.

Кроме воссоздания тела из шариков «пинда», возможны были и иные варианты. К примеру, древнеегипетский. Большинство из нас, наверное, помнят легенду об Осирисе и жене его Изиде. Осирис, как известно, был умерщвлён своим братом Сетом и разрезан на 14 частей. Части эти были разбросаны по всему Египту, и плачущей Изиде пришлось приложить немало усилий, чтобы собрать их все (за исключением полового органа). Эти части она собрала воедино, а затем с помощью магии их оживила. Так Осирис стал первым из возрождённых, и как первый, стал господином того мира, в который, в конце концов, приведут дорожки каждого из нас.

Достаточно важным моментом является и степень «готовности» или, точнее, степень дееспособности «божественного» тела. У древних египтян она наступала тогда, когда в конце процесса бальзамирования жрец Анубиса касался определённым жезлом рта и глаз умершего. Считалось, что таким образом их «открывали», в мистическом смысле этого слова. Теперь он (умерший) мог принимать дары, «потреблять» приношения и производить прочие жизненные

---

¹⁰ Особая природа шариков «пинда» напрямую увязывается с представлением, что в его природе содержится человеческий зародыш. Так что той женщине, которая никак не могла забеременеть, настоятельно рекомендовалось тайно украсть и съесть один из таких шариков, оставшихся от поминовения умершего.

действия, свойственные его «новому» телу. А также, «теряя» из вида «этот» мир, получал возможность видеть в мире «ином».

Несформированность нового тела — один из главнейших пунктов, согласно которому умерший не может переродиться и, перейдя реку Забвения, упокоиться в иных мирах. Кстати, «упокоиться», вовсе не значит достичь места истинного покоя. Лишь единицы, действительно успокоившиеся в этом мире, имеют реальный шанс упокоиться в мире «ином». Для всех же остальных под словом «покой» подразумевается лишь пересечение реки Забвения. Действие, которое предполагает полный разрыв отношений с прошлой жизнью. Покойника совершенно необязательно воспринимать как душу, нашедшую приют и покой у трона Бога. Это всего лишь один из вариантов, практически самый лучший, но не отрицающий все остальные. В этом смысле, покойник — это человек, получивший иное перерождение и, в силу этого перерождения, утративший интерес к жизни прошлой. Он упокоен только по отношению к жизни прошлой, но совершенно открыт для треволнений жизни будущей. Полное упокоение возможно только растворением в мироздании. Частное же упокоение — это обязательный акт по пересечению реки Забвения.

Пересечение Реки

Не смогла известная болгарская провидица и целительница Ванга спасти и собственного мужа. Двадцать лет прожили они крепкой семьёй, но в последние годы Митко крепко запил и стал алкоголиком. Когда он умирал, Ванга стояла на коленях у кровати, не вытирая слёз, текущих из слепых глаз. И, приняв последнее дыхание Митко, уснула. А проснувшись, сказала: «Я сопроводила его до того места, которое ему уготовано».

*Из воспоминаний Красимиры Стояновой,
племянницы Ванги*

После того, как умершему сформируют «новое» тело, он оказывается перед лицом задачи не менее сложной. На военном языке она называется «форсирование водного рубежа». То есть, ему необходимо преодолеть реку, отделяющую «пограничную» зону от следующих миров. Большинство из нас, в той или иной форме, слышали или знают об этом. К примеру, в евангелии от Иоанна, штурм этой преграды назывался «второй смертью», которая поджидает каждого человека. *«Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом; над ними смерть вторая не имеет власти, ибо будут они священниками Бога и Христа и будут царствовать с ним 1000 лет» (Откровение 20:6)*

Правда, о «второй смерти», чисто теоретически поджидающей каждого из нас, мы, в большинстве своём, и слыхом не слыхивали. А вот о некоей реке, отделяющей живое от мёртвого, знаем ещё со времён школьной скамьи. Если чуть-чуть «порыться в памяти», на ум приходят воспоминания об Ахероне, мифической реке в древней Греции, переправой через которую ведал Харон — грязный, седой и угрюмый старик-перевозчик. Как известно, он обладал одним весьма занятным качеством — его голова была развёрнута на 180 градусов, в результате чего лицо находилось со стороны спины. Согласно легенде, за вполне умеренную плату (один или два оболы), он помогал душе пересечь Реку и полностью завершить цикл человеческого существования. Ахерон действительно имела свой аналог в древней Греции — это была мелкая, вялотекущая река с илесто-болотистыми берегами. Однако к реалиям пограничной области, в пределах которой зависала душа умершего человека, она имела лишь косвенное отношение.

Кроме того, река Ахерон, что в переводе с греческого означает «безжизненная», имела и иные качества, отражённые в её названиях (иногда эти названия понимались как её притоки):

- Стикс (Στίχος (греч.) — преграда, вызывающая отвращение, ненависть и печаль;
- Флегетон (Φλέγέτον (греч.) — огненная;
- Коцит (греч.) — гневная, побуждающая к плачу;
- Эридан (Ερίδαν (греч.) — бурная, опасная;
- Алибас (Αλιβας (греч.) — не имеющая жизненных соков;
- Лета (Λήτα (греч.) — дарующая забвение.

В древней Индии река, отделяющая пограничную область от райских кущ, называлась Вайтарани. Считалось, что река Ганга, исполненная особой, священной чистоты, по окончании своего пути перетекает в «иной» мир, где и становится Вайтарани, своей прямой противоположностью. И так как в «этом» мире Ганга — символ чистоты и святости, то в «ином» мире Вайтарани — это зловонный поток, полный крови, костей, ногтей, волос, блевотины, испражнений и разной нечисти. Преодоление его - почти неразрешимая задача для грешников. Правда, говорят, что когда к Вайтарани подходит праведник, она мгновенно превращается в реку под названием Пушподака — «Текущая цветами», — полную освежающей воды, похожей на нектар.

У русских река, отделяющая пограничную область от райских кущ, носила несколько имён: Лета, Забыть-река, Сион-река-огненная, хотя, пожалуй, самым известным является «река Смородина». Слово «Смородина» — достаточно новое, ибо является окультуренным вариантом слова «Смрадина». Именно так в древности у славян называлась река, разделяющая миры. Смрадина, то есть вонючая, грязная, исполненная нечистот¹¹. Клятвы именем этой реки считались самыми страшными, поскольку если такая клятва нарушалась, то клятвopреступник не имел никаких реальных шансов по преодолению этой реки в будущем. Кстати, у тех же самых древних греков боги также могли клясться её именем и, если клятва нарушалась, впадали в состояние неподвижности на 9 лет.

Итак, переправа. Основных способов преодоления реки было несколько:

- **Лодка.** Пожалуй, самый известный способ переправы. А потому в лодках хоронили, лодки пускали по воде и поджигали; насыпали на могильном холме камни таким образом, что они образовывали очертания корабля (Швеция) и т.д.
- **По мосту.** Не менее распространённый способ преодолеть водную преграду. К примеру — мусульманский Сират, тонкий, как волос, и острый, как бритва, перейти через который требовалось в долю секунды. Русский Калинов мост над рекой-Смородиной, охраняемый трёхговым змеем, который мы знаем ещё из детских сказок. Зороастрийский Чинвато-Пэрэто (мост-разлучитель) через который прекрасная дева переводит достойных за руку «на ту сторону».
- **По бревну** (маори в Новой Зеландии).
- **По змее** (у гуронов и ирокезов).
- **По лестнице** (у тумлео Новой Гвинеи).
- **По радуге** (Тибет) и др. способы.

Но это всё способы понятные, хотя бы в силу своей наглядности. Кроме них существовали и иные, гораздо менее объяснимые. За примером давайте снова обратимся к индийскому материалу и посмотрим, как обстояло с переправой через реку забвения у последователей бога Вишну:

---

¹¹ Интересно, что растение «смородина» получила своё название именно из-за особой пахучести её листьев. Один из хороших знакомых автора, обладающий тонким видением, в личной беседе рассказывал, что не раз наблюдал выход души из тела. Как правило, обнаружению призрачной души предшествовал запах именно чёрной смородины.

Параллельно с приношением «пинд», родственники «посылают» умершему разного рода предметы, которые позволяют ему наиболее оптимальным образом осуществить необходимое путешествие в «пограничной» зоне. Таких предметов было семь — зонт, сандалии, сиденье, сосуд для воды, одежда, кольцо и сосуд для проведения ритуалов.

**Украинцы Карпат отдавали священнику барана с
вызолоченными рогами во время похорон хозяина.**

Кроме этого, особенно важным считается послать ему вместе с 11-м шариком «пинды» корову. Ибо корова, в силу своей особой природы, способна помочь человеку переправиться через реку, отделяющую чистилище от миров покоя и забвения. «Отсылание» производят несколькими способами. Самым известным является приношение в огонь. Корову умерщвляли безболезненным, строго регламентированным образом и в таком виде укладывали на костёр. Считалось, что если она сгорит, то огонь принял жертву и «отправил» её по месту «адресата».

Заменой возложению на огонь считается дарение «коровы» священнослужителю. Считается, что внутри исполненного святости священника ровно также «горит» священный огонь, равный огню настоящего костра. И если священнослужитель принимает что-либо, то данное действие равносильно сжиганию предмета на открытом огне.

Обусловленность именно коровы, как средства пересечения реки Забвения, происходит оттого, что именно корова является, как говорят вишнуниты, «ваханой» — ездовым животным божества Вишну. Переправа через реку с помощью коровы гарантирует умершему упокоение в мирах именно этого божества. Если же будет пожертвован бык, умерший окажется в мирах другого божества — Щивы. Если мышь — то в мире Ганеци, если лев — в мире богини Дурги и т.д. Само слово «вахана», происходит от корня «вах», т.е. «дуть» или «нести». Посему «вахана» — это одновременно и то, что перемещает по обе стороны Реки само божество, и то, что переправляет на «ту сторону» умершего.

При малейшем нарушении поминальных процедур (совершение в неуточное время, неверным способом, не тем родственником, дарение недостойному священнослужителю и т.д.) умерший, в большинстве случаев, лишился возможности либо обрести полноценное «новое» тело, либо переправиться через реку, разделяющую миры.

Об измерении души

**Кто жить не умел, того и помирать не выучишь!
Без стыда и рожки не износишь!
Русские пословицы**

Размышляя на подобные материи, часто совершенно произвольно мы задаемся вопросом: «А как там у меня с «телом вечности»? Если вдруг пришлось бы умереть сейчас, куда я попаду?» Подобные вопросы, конечно же, каждый задает только себе, ибо, когда о них узнают окружающие, вряд ли можно сразу рассчитывать на понимание. Действительно, где найти такой прибор, которым можно измерить мало того, что невидимую, так ещё, к тому же, совершенно непонятную субстанцию — душу. Но это вовсе не означает, что способов

измерения не существует. И понятно, что особые субстанции должны иметь свои особые измерительные системы. Что касается души, то «прибор» для её измерения нам хорошо известен — это совесть.

Да-да, именно совесть. Для современного человека, в условиях современного мира, совесть — часто помеха, поскольку именно она мешает добиваться «жизненных успехов». Почему так? *Совесть — это механизм, посредством которого наша душа (или «тело вечности») пытается избежать саморазрушения.* Совесть — это своего рода стопор, который природа даровала человеку, для того чтобы он смог обеспечить себе будущее.

Совесть, как термин, — определение не совсем точное, ибо в своё время, благодаря традициям церковно-славянского языка, было введено в общественное употребление из древнегреческого. По сути своей, это калька с древнегреческого слова «συν-εἶδησις», восходящего к глаголу «συν-οἶδα», которое означает «осознание себя». В современном русском языке одним из наиболее близких аналогов слова «совесть» является слово «стыд» (в древнерусском — «сором», «срам»).

Что же касается размеров или «степени готовности» нашего «тела вечности», то оно прямо пропорционально размерам нашей совести или нашего стыда. Если человек живёт и совершает поступки, что называется, «по совести», то это означает, что его «тело вечности» хорошо развито и в случае смерти особых проблем с пересечением Реки у него не будет. Как говорит народная пословица: «Чем чище нынешняя совесть — тем краше будущая повесть».

Кстати, народные верования, по крайней мере, славянские, утверждают, что «новое» тело уже умершего человека всё-таки можно увидеть воочию. Оно проявляет себя в виде «блуждающих огней» — явления достаточно широко известного преимущественно в сельской среде. Его, безусловно, можно видеть и в условиях городских окраин, чему лично автор был свидетелем не раз, однако, для его лицезрения необходимо соблюдать ряд условий. Это может быть только в ночное или сумрачное время, в тишине и, по-возможности, в неподвижности. Особо важным является время года — «блуждающие огоньки» гораздо лучше видно в ночь перед Рождеством, в адвент и поминальные дни. Кроме того, «блуждающие огоньки» можно наблюдать лишь на границе городской или сельской черты.

Особенностью, своего рода «изюминкой» блуждающих огоньков является их разный «накал свечения». Считается, что более грешные люди, так как их «тело вечности» развито недостаточно хорошо, светятся более тёмным огнём, а менее грешные — более ярким.

В принципе, само понятие разницы «накала свечения» отчасти помогает понять смысл человеческой жизни: этот смысл в том, чтобы совершенствовать себя (то есть свою совесть) до такой степени, чтобы личный накал свечения достиг степени божественного свечения. В этом случае человек как бы «вспыхивает изнутри» и сливается с Богом в вечном божественном сиянии.

После пересечения Реки

Однако вернёмся к реке. Вот она преодолена — и что дальше? В первую очередь, стоит обратить внимание на то, что пересечена не просто река, а Река Забвения. Это означает, с одной стороны, что обратной дороги для умершего уже нет. А с другой, что всё, оставшееся позади, за рекой, покрыто забвением. Пересечение этой Реки означает, что умершего больше не волнует то, что осталось у него «за спиной». Для него больше не существует ни родственных связей, ни данных обещаний, ни непрощённых обид, ни долгов, ни ещё множества других вещей, наполняющих сознание живых. На всём этом лежит печать забвения. Пересёкшего реку больше

ничто не связывает с «этим» миром. Теперь его ожидает новая «жизнь» или то, что можно понимать под нею. Из суммарного анализа религиозных систем на эту тему можно сделать примерно следующие выводы:

- если человек воспринимал себя как одиночку, не связанного узами кровного родства или религиозной принадлежности, то ему предстоит следующее перерождение в той энергетической конфигурации, которую он «заслужил» своей жизнью. Если вёл себя как животное — родится снова животным; если жил «почеловечески» — родится человеком; если вёл «богоподобный образ жизни» — предстоит рождение святым и т.д.
- если человек чувствовал себя не одиночкой, а составной частью коллектива родственников или религиозной системы, то ему предстоит слияние с совокупным телом этой системы. И его дальнейшие перерождения будут зависеть от возможностей этой системы.

Перерождения не избежать ни в каком случае, ибо, ещё раз повторимся, **совершенствование возможно только в «этом» мире**. И пока личная конфигурация (или личное свечение) не будут доведены до конфигурации (или свечения) Изначальной Сущности — перерождения будут совершаться одно за другим. И это, естественно, лучший вариант. Ибо только таким способом возможно «растворение в бесконечной Радости, Знании и Совершенстве»¹².

О днях поминания умерших (3, 9 и 40 дней)

«...Сани или другую повозку, на которой умершего везли на кладбище, опрокидывали и поворачивали оглоблями по направлению к кладбищу. Считалось, что до 40-го дня мёртвый каждую ночь приходит к саням, чтобы ехать домой, но, найдя оглобли повернутыми в сторону кладбища, возвращается в могилу».

Мифы русского народа

Как известно, поминовения умерших особенно важно было проводить в определённые дни. К примеру, в христианской традиции это были 3-й, 9-й, 40-й день и день годовщины. У буддистов каждый седьмой день в течение 49 дней, а также в день годовщины. У зороастрийцев особенно важным считался 3-й день. И иудеев 3-й, 7-й, 30-й и день годовщины и т.д.

Первые вопросы, которые возникают при взгляде на эти цифры: «Зачем столько поминальных дней? Разве недостаточно одного поминания на похоронах? Если нет, то какова тогда разница в состоянии души в разные периоды её после смерти? Что в ней (в душе) меняется и почему мы должны сопровождать эти изменения дополнительными поминками?»

Если вы действительно озаботитесь попыткой уяснить ответ для себя лично, то вскоре поймете, что сделать это весьма непросто: информация практически отсутствует. Из того, что удалось собрать и проанализировать автору, можно сделать следующие весьма общие выводы¹³:

¹² Временами достаточно забавно наблюдать человеческие существа, которые под влиянием своего крошечного жизненного опыта, отказывают себе в рождении потомства. Не видя дальше собственного носа и полагая, что дарованная им жизнь должна быть лишь чередой непрекращающихся удовольствий, они обычно поясняют свою точку зрения следующим образом: «Я не хочу рождения в этот нелепый и несправедливый мир ещё одного существа. Я не хочу смотреть, как он будет в нём мучаться!» Трагизм произносимого, в совокупности с мрачным выражением лица, обычно не может не вызывать улыбки.

¹³ Подробнее на эту тему читайте в следующей книге данного автора «Смерть и воинская традиция», которая ныне готовится к печати.

- Первый срок в 3 дня зачастую объясняется тем, что умерший ещё не считается полностью умершим. Во избежание ошибки (возможно, что умерший находится в летаргическом состоянии), его тело не трогают, ожидая появления первых свидетельств начала распада. В этот период проводится ритуально-магическая защита (читают священные книги, зажигают свечи, не допускают животных перескакивать через тело умершего и т.д.) Теоретически, только при появлении первых признаков телесного распада принимается решение о кремировании или захоронении. В это время умерший обладает всеми возможностями двухстороннего контакта со своими родственниками. Это как правило, и происходит во снах или видениях. При захоронении, во время отпевания и прощания (в виде бросания земли в могилу), умерший начинает терять эти возможности
- Условный период с 3-х до 9-ти дней начинается с момента похорон и прощания родственников и знакомых. Период наиболее известен процедурой оформления и кормления «тела вечности». Происходит это с помощью поминальных процедур родственников и священнослужителей. В данный период взаимоотношения «умерший — родственники» становятся значительно более односторонними, т.к. после процедуры первичного прощания умерший теряет возможность слышать своих родственников и близких.
- Условный период с 9-ти до 40-ка дней — это период «ожидания» для умершего. Его «новое тело» готово к дальнейшему путешествию, и он ожидает возможности его реализации. Если всё складывается удачно, то умерший уходит на новый виток перерождения, получая возможность рождения в чьей-либо новой утробе. И рождение из которой (предпочтительно из человеческой) будет отмечено годовыми поминками. Если же возможности к перерождению не складываются, то умерший зависает между мирами на весьма неопределённый срок. Этот период также характерен тем, что поле 9-и дневных поминок и второго прощания умерший теряет способность к «видению». С этой поры он становится своего рода слепо-глухим по отношению к своему прошлому миру. Из возможностей контакта у него остаются лишь обоняние и осязание.
- Возможность обонять умерший теряет в период 40-ка дней со дня смерти, а с годовыми поминками у него пропадает и последний источник контакта – телесная чувствительность¹⁴.

Немаловажным является и деятельность родственников умершего, осуществляемая с «этой» стороны зеркального стекла. В своих молитвах, направленных к умершему, они могут помочь его безвольному сознанию. Их задачей является донесение до него информации о том, кто он теперь такой и что ему предстоит сделать. Своего рода, «открыть ему глаза» на происходящее.

О «брошенных»

***«Каково житьё — таково и на том свете вытьё!»
Русская пословица***

---

¹⁴ Срок же в 40 дней, конечно же, весьма условен. Это и

- 30 дней у иудеев,
- и 40 дней у православных христиан,
- и шестины (шесть недель = 42 дням) у язычников,
- и полтора месяца у вишнуитов Гаруда-Пураны (45 дней)
- и 49 дней (7 недель) у буддистов
- и даже 72-75 дней для древних египтян.

Однако что же случается, если умерший не смог упокоиться и получить новое перерождение? К примеру, в случае тайного убийства или когда отсутствовали отпевание и поминание? Если таковое всё-таки происходит, он попадает в весьма затруднительную ситуацию, ибо, с одной стороны, не может вернуться в «наш» мир, а с другой, — двинуться дальше и пересечь Реку. Он, образно говоря, «зависает между мирами» и получает судьбу бесплотного призрака, со всеми вытекающими отсюда проблемами.

Так что, когда речь заходит о том, чего именно хотят от нас умершие, в первую очередь, это означает потребность любым способом быть помянутыми. Таким образом, мы если и не «доформируем», то хотя бы даем пропитание их убогим телам. Способов поминаний множество.

К примеру, у молдаван с этой целью люди строили мосты. Эти мосты имели имена тех, кто их строил, или тех, кто давал деньги на их постройку, а посему считалось хорошим тоном, взойдя на этот мост, помянуть добрым словом его создателя. В Белоруссии, на следующий день после поминок по умершей женщине, ещё в конце 19-го века делали «кладку» — мостик через какое-нибудь топкое или мокрое место, ручей или ров. Для этого рубили сосну, обтёсывали её, вырезая на ней день смерти и изображение человеческой ступни. Затем все садились на это бревно и ещё раз поминали умершую. Позже, каждый, проходя по этому мостику, читал молитву за упокой души той, в чью память положена кладка.

Также с целью помина души строили храмы, основывали богоугодные заведения, сажали сады, открывали больницы и т.д.

В народной традиции существовали и иные способы. Таковыми, в частности, были так называемые «обходные» обряды: колядование, закликание авсеня, приходы полазника, хождение лазарок, пеперуды и т.д. В них живые люди (желательно, дети в возрасте до полового созревания), в образе духов ходили по домам. С одной стороны, их приход давал магическую защиту посещаемого дома, а с другой, — их наделяли небольшими подарками. Детям доставались вкусноты и сладости, а духам, роль которых они играли, «внутреннее содержание» этих даров. Ныне эти обряды почти совсем забыты, но благодаря телевидению многие знают о них по американскому празднику Halloween¹⁵.

В принципе, «брошенных», конечно же, можно понять. Они просят о немногом — помочь «доработать» свои тела и перейти Реку. Просят и наталкиваются не сколько на стену непонимания со стороны живых, сколько на отсутствие у них возможностей к оказанию помощи. Из-за разности вероисповеданий, незнания личных «секретных» имён, по ряду других причин окружающие зачастую не способны помочь ушедшему в деле поиска и перехода Реки Забвения.

Обычно то, чем живые могут помочь неупокоенным умершим, — это лишь возможность «покормить» их в особые поминальные дни, когда происходит «смыкание миров». Однако часто этого недостаточно для полноценной помощи. В остальное же время люди вынуждены

---

¹⁵ У западных славян по этому поводу было принято ходить ранним утром на кладбище 1-го марта. С зажжёнными факелами служили панихиды и оставляли на могилах угощения.

Кроме того, днями, когда умершие максимально близко могли приблизиться к «этому» миру и, соответственно, поминки по ним были наиболее уместны, считались:

1 ноября (День всех святых). В Польше раньше в этот день оставляли открытыми двери и окна домов, чтобы умершие родственники беспрепятственно могли войти и откусать специально приготовленную пищу, оставленную на накрытых столах. Вечером поляки считали невозможным посещение костёла по той причине, что в этот день мёртвые служат там свою мессу.

2 ноября (Акиндин и Пигасий). В Словении в этот день маленькие дети и нищие продолжали ходить по домам и собирать «душно печиво», специальную обрядовую выпечку, предназначенную для умерших.

приспосабливаться, так или иначе стараясь избежать назойливого внимания «зависших между мирами». Что особенно сложно, когда у «мертвяка» есть «ключик» к некоторым категориям живых, к тем, кого он по разным причинам «видит».

Непосредственно это касается родственников (ибо умерший знает родовой генетический код), которые защищаются обрядами «разделения». С другой стороны, это касается убийц, ибо они также связаны со своими жертвами тонкой, но неразрывной ниточкой последнего удара, который «обеспечил» жертве прощание с жизнью. Убийцу может защищать система, внутри которой он находится. Кроме того, существуют магические практики избегания, переключения внимания и прочее. Однако всё это действительно до поры — до времени. Убитый будет терпеливо ждать, пока защита не ослабнет по той или иной причине — у него нет иного выхода. Но когда она ослабнет — «отольются кошке мышкены слёзки!» Убитый возьмёт с убийцы «своё».

А до тех пор, пока умерший или убитый не достигнет своих целей по упокоению, он будет всячески изводить всех иных, не проявивших должного внимания и бдительности и попавших ему «под руку».

Кстати, следует отметить, что кроме непосредственно не успокоенных душ людей, существуют и иные неуспокоенные души. В Японии, где наличие души признаётся за абсолютно любой частичкой мироздания, обряду «успокоения» души подлежит буквально всё. Попав на японское кладбище, вы совершенно легко можете столкнуться с надгробным обелиском, на котором написано: «Термиты — спите спокойно». Такая могила будет принадлежать фирме, выпускающей эффективное химическое средство для уничтожения насекомых. Японцы считают, что лучше сегодня потратиться на сооружение подобной могилы, то есть, насколько это возможно, «успокоить» невинноубиенные души, чем получить от них вполне реальные неприятности в будущем.

Глава 2

Самоубийство

Не следует желать смерти, не следует желать жизни, пусть каждый ждёт своё время, как слуга приказания.

Манава Дхарма Шастра VI,45

«Незваного не ждут в божьем доме».

Персидская пословица

«Ой, да повесился он на осинушке,

Да на самой, на самой вершинушке»

Теперь, когда мы кратко рассмотрели, что происходит с человеком после смерти, можно приступать к рассмотрению и такого явления, как самоубийство. Полученная информация позволяет нам взглянуть на самоубийство под совершенно особым углом зрения. Не сталкивая между собой философские категории, не пытаясь разглядеть «нечто» между строк великих Писаний, можно попытаться представить, что ожидает человека, решившего покончить с собой.

А произойдёт с ним следующее. Несмотря на необычный способ прощания с жизнью, после акта смерти самоубийца оказывается ровно в тех же самых условиях, как и прочие умершие или убитые. Он оказывается в пограничной зоне. А посему ему предстоит решить, так же, как и всем прочим, две основные задачи:

- оформить своё тело вечности
- и перенестись в нём, с чьей либо помощью, через реку Забвения.

Как вы видите, они две него неразрешимы, ибо повторимся ещё раз, *находясь «по ту сторону жизни», человек больше ничего не может сделать сам.* Нам в это трудно поверить, мы настолько привыкли к собственным возможностям, что зачастую наивно полагаем, что в «иной реальности» у нас всё будет так же, как в «этой». А это не так. Новая реальность лишит нас старых возможностей. Не будет у нас ни силы воли, ни осознанного выбора желаний. Желания, как таковые, будут, но управлять ими умерший не может. Умение думать и принимать решения остаются «по ту сторону» мира умерших — в мире живых. Поэтому вместо того, чтобы направить усилия на преодоление пограничной зоны, самоубийца, к примеру, будет совершенно бессознательно пытаться найти объект своей страсти, доведший его до свершения трагического акта. И никаким способом не сможет сосредоточить себя на более важных задачах. Ибо таковы реалии того мира, в который мы попадаем после смерти.

А посему самоубийца не сможет ни оформить своё «новое» тело, ни перенести себя через Реку. Всё, что он сможет, — это лишь зависнуть над местом собственного самоубийства в трагическом недоумении: «А что дальше?» А дальше ничего, ибо без посторонней помощи ему никуда не сдвинуться.

Представим самый благоприятный для такого случая вариант — самоубийцу тут же нашли. Вынули из петли, закрыли ему глаза. Что дальше? Какие есть возможности у родственников, желающих помочь оформить его новое тело и пересечь Реку? А никаких! Не стоит забывать, что всё, должное быть исполненным родственниками, следует проделать в определённой религиозной традиции, к которой некогда был причислен умерший. В этом случае божество, возглавляющее эту традицию, обязательно поможет усопшему проделать все последующие действия. В случае же самоубийства, все усилия родственников, какими бы они значительными ни были, будут совершены впустую. И причина этого — сам самоубийца. *Когда он самостоятельными усилиями прерывает свой жизненный путь, он «выпадает» из поля зрения своего прежнего покровителя.* Он выпадает из своей религиозной традиции, и теперь ему не только не способны помочь родственники, но и опекавшее его раньше божество.

Продолжая рассматривать то, что происходит с самоубийцей в пограничной зоне, мы вскоре наталкиваемся ещё на один вопрос: «Если, благодаря своим, зачастую, полностью необдуманым действиям, самоубийца разорвал свои отношения со своим прежним божеством, то с кем же он связан теперь?» Правда, гадать здесь особо нечего — в случае самоубийства умерший становится законной добычей того «потустороннего» существа, которое «уговорило» его на совершение оногo. А оно становится ясным благодаря способу самоубийства:

- если человек утонул — его хозяином становится дух данного водоёма,
- если повесился на дереве — дух данного леса,
- если повесился в доме — местный домовый,
- если отравился — дух растения, из которого приготовлен яд и т.д.

Родственники самоубийцы отныне должны быть очень внимательны: с этого момента (момента самоубийства), все члены рода оказываются под постоянной угрозой повторного «нападения» этого существа. Используя самоубийцу, как собаку, способную идти по следу, его «потусторонний» хозяин приступает к охоте на свою очередную добычу. Если у него это получается, то следующий родственник умирает, как правило, той же смертью, что и его предшественник.

В качестве примера, приведём историю Эрнеста Хемингуэя. Как известно, некогда его отец, доведенный своей женой до самоубийства, выстрелил в себя из ружья. Потеряв жертву,

в лице собственного мужа, мать Эрнеста переключилась на собственного сына, что в определённый момент привело к разрыву их отношений и отъезду младшего Хемингуэя на чужбину. Однако мать не унималась и начала засыпать своего сына письмами уничижительного содержания. Не удовлетворённая этим, однажды она посылает сыну ружьё, из которого застрелился его отец.

Эрнест беспечно принимает это ружьё и оставляет его у себя. Спустя некоторое время, как известно, он находит ему роковое применение — так же, как и отец, стреляет в себя. Дух ружья получает следующую жертву.

Спрашивается, что же должен был делать Хемингуэй, увидев присланное ему ружьё? Всё, что угодно, но ни в коем случае его не принимать. Первое, что должны сделать родственники и близкие друзья самоубийцы, — не взирая на чувства, «оторваться» от самоубийцы, проведя отделительные обряды и процедуры. Звучит это ужасно, почти как приговор, но с теми, кто уходит за черту жизни, следует быть очень внимательными. В противном случае, невнимательные последуют туда, куда проследовал и самоубийца. Так что обособление от самоубийцы — это главная обязанность тех, кто желает избежать его безжалостного «внимания».

Отныне необходимо быть особо внимательным к предметам и явлениям той природы, с помощью которой самоубийца лишил себя жизни. Упоминание об этом, даже мысленно, должно стать жёстким «табу» для родственников самоубийцы. Народная мудрость: «В доме повешенного о верёвке не говорят» не просто потребность проявления некоего эфемерного чувства такта - это суровая жизненная необходимость. А посему родственники должны позаботиться о том, чтобы с глаз (и желательно из ума) было убрано всё, что может способствовать самоубийце (и руководящему им существу) добраться до оставшихся в живых.

О сроках пребывания самоубийцы в пограничной зоне

В подобных ситуациях сам собой возникает вопрос о безысходности: «Так что же, самоубийца навсегда «зависает» в этой самой пограничной зоне? И ему никогда не получить упокоения?» Надо сказать, это один из наиболее туманных моментов, связанных с послесмертным существованием человека. Информации на эту тему немного и по большей части она мало вразумительна. Большинство комментаторов, видимо пребывая в состоянии озлобления против самоубийц, с мстительным удовлетворением отвечают: «А вот никогда! Никогда самоубийцы не получают упокоения. Вплоть до Страшного Суда!» Более спокойные, как правило, говорят о конкретных цифрах. С их точки зрения, срок пребывания самоубийцы в пограничной зоне ограничен теми годами, в которые ему предстояло бы умереть естественной смертью.

К примеру, девушка от несчастливой любви лишила себя жизни в 18 лет, а её естественная смерть должна была произойти в 80 лет. Это означает, что только через 62 года после своего самоубийства она получит шанс на перерождение. И все эти не дожитые годы она будет пребывать в потустороннем пространстве, «доставая» всех, кого только сможет.

Здесь же следует обратить внимание на следующий момент. Обычно самоубийцы считают, что смерть положит конец их телесным и душевным страданиям. Придётся их разочаровать: ***уходя из жизни, человек как бы «фиксирует» свое последнее состояние, в нем он и будет пребывать после смерти в пограничной зоне.*** Никакого облегчения не наступит! То есть, в нашем случае девушка-самоубийца, как минимум, все 62 года будет испытывать те же боль и отчаяние, с которыми она некогда ушла из жизни. И эти же состояния она будет «транслировать» на окружающих.

Лишь спустя 62 года она получит шанс на прекращение подобной пытки. Тогда-то к ней на помощь должны придти родственники и священнослужители, чтобы в течение последующих 40 дней успеть выполнить необходимые процедуры. А это, как вы понимаете, практически это нереально, ибо кто может точно назвать срок, который предстояло прожить самоубийце? Разве что практикующие шаманы, медиумы или астрологи высшей квалификации? Удастся ли родственникам найти того, кто даст правильный ответ, — дело случая. Именно поэтому судьба самоубийцы, как правило, печальна: второй раз получить право на перерождение или упокоение будет весьма и весьма непросто.

Исключения из правил

Но, если есть правило, есть и исключение. Это утверждение справедливо и в отношении самоубийц. Иногда самоубийство разрешалось. Как мы уже говорили, чаще всего это характерно для религиозных традиций «языческого» типа. Например, в древнегреческой. Платон, Софокл, Эврипид и Эсхил указывали, что самоубийство не желательно, но возможно, если причиной оно является несмыаемый позор, личное несчастье либо неизлечимая болезнь. И это вероятно так, однако, решающим фактором здесь будет не причина самоубийства, а способ его выполнения.

Когда мы читаем, как римские патриции пускали себе кровь, опасаясь пыток и изощрённых казней со стороны власти, закономерно возникает вопрос: «Имели ли они на это право?» Да, причина, подталкивающая их к самоубийству, кажется весомой. Не каждый, попав в безвыходное положение, способен добровольно пойти на нечеловеческие муки. Большинство предпочитает лишиться себя жизни, но проделать это «лёгким» способом: выпить яд, вскрыть вены, прыгнуть с моста с камнем на шею либо совершить что-то подобное. Но насколько они правы? Что будет с их душами после акта самоубийства?

К несчастью, в тех случаях, когда человек лишает себя жизни из-за предстоящих или уже реальных физических мук, его посмертная судьба незавидна. Страх и боль — не лучшие спутники в подобных ситуациях, ибо при «великом переходе» именно они останутся с самоубийцей по «ту сторону зеркального стекла».

Если отрешиться от свойственной каждому из нас мысли о бесконечности собственной жизни, в которой с нами ничего случиться не может (всё случается только с другими) и трезво взглянуть на происходящее, то выбор у нас небольшой. И он становится очевидным, как только человек постарается представить, что его ожидает «с той стороны». Всё сразу становится на свои места: хочешь послесмертной благой судьбы — придётся терпеть или бороться с силами и выйти на последний неравный бой. Ничего особо страшного в этом нет — предстоящее блаженство следует заслужить!

Иное дело — несмыаемый позор. Да, случается, что некто, в силу беспечности, невнимательности или малодушия, совершает поступок, покрывающий его несмыаемым позором. С точки зрения традиционного мышления, позор — это серьёзное искажение «тела вечности», уменьшение его размеров и святости. Причём настолько значительное, что для восстановления понадобится огромное количество времени и усилий. Тот, кому не безразлично своё послесмертное существование, должен постараться этого не допустить. Избавление от позора предполагает два основных исхода:

- Первый. Опозоренный остаётся жить и всю свою оставшуюся жизнь замаливает своё прегрешение.
- Второй. Он принимает радикальное решение по немедленному уходу из жизни.

С первым вариантом всё достаточно ясно, а вот о втором следует поговорить полнее.

Правило «трёх дней»

***Перед удачливыми открыты все двери,
перед неудачливыми — все окна.
Вячеслав Верховский***

Доводилось ли вам когда-либо слышать, что, согласно средневековым европейским воинским уставам, победивший должен был оставаться на поле сражения ещё 3 полновесных дня? И если он покидал поле битвы раньше, то результаты сражения считались недействительными? Об этом правиле не слишком широко известно, наверное, потому, что оно не слишком понятно. Существует, конечно, объяснение, что эти 3 дня необходимы проигравшему для сбора своих разбежавшихся войск, после чего он мог явиться на поле сражения. Дабы, дескать, оспорить результаты.

В этом случае, остается неясным: почему на это даётся всего 3 дня? Что, если повторное сражение произойдёт через неделю или, к примеру, через месяц — разве оспорить результаты уже будет нельзя? И, кстати, почему именно на том же самом месте? В ответ нам, скорее всего, скажут, что в средневековье так было принято. Почему? Да, кто ж теперь вспомнит? Наверное, собрались, договорились, а дальше уже так и повелось.

Возможно, это и так. Но есть основание считать, что в древности не принималась столь упрощённая формулировка, как «собрались и договорились». Во всех серьезных государственных вопросах люди следовали религиозной традиции. Следовали тому образцу, который положили для них боги, пророки или первопредки.

Согласно этому образцу, рождаются, живут и умирают не только люди. Не только звери и растения. События (в том числе и битвы) тоже рождаются, живут и умирают. Свершившееся событие считается появившимся на свет божий так же, как и новорожденный ребёнок. Оно проходит все стадии развития, у одних из них долгая жизнь, у других короткая. Но что важно — как и новорождённого, состоявшееся событие, посредством определённых обрядовых действий, фиксируют. Так сказать, закрепляют его в этом мире. В случае со сражением ритуал таков: сначала происходит очищение войска от скверны, оказание помощи раненым, погребение погибших, затем собирание трофея, а после этого благодарственный пир. Это и есть та трёхдневная фиксация, которая позволяет однозначно говорить, что событие полноценно свершилось.

Если мы обратимся к истории, то увидим, что в традиционном обществе фиксации событий посвящено множество моментов. Сезонными праздниками мы «закрепляем» изменения, происходящие в природе, домашними праздниками — изменения, происходящие в семье. Смысл и назначение фиксирования события состоит в том, что если мы проделываем это, то можем воспользоваться его плодами. Если же нет — оно становится неуправляемым.

К примеру, согласно индийской традиционной модели, над новорождённым проводится несколько обрядов ещё до того, как ему перережут пуповину. Это обряды «закрепления» ума, здоровья и жизненной силы. Считается, если их не провести, то у ребёнка может последовать сбой в их развитии. И все случаи нарушения интеллекта, психики и здоровья увязывают либо с неправильным выполнением этих обрядов, либо с их полным отсутствием.

Древние сочинения и ряд современных сообщают нам, что во многих традиционных коллективах (особенно в древности) новорождённый до проведения закрепительных обрядов ещё не считался родившимся. В это время решалась его судьба. Так, в древнем Риме отец нёс новорожденного на Тарпейскую скалу, где отдавал в руки старейшин. Те рассматривали младенца, разглядывали его жизненные линии, спрашивали богов, не нанесёт ли новорождённый зла Риму, и только после этого отдавали отцу. Они клали его на землю, а отец поднимал его — и вот именно эта процедура (а не непосредственно сам акт рождения) означала,

что он родился для человеческого сообщества. Кстати, если боги указывали, что в будущем этот ребёнок может навредить Риму, его, не задумываясь, сбрасывали со скалы.

Временем проведения подобного обряда, как правило, был третий день со дня родов, а точнее, время, пока у младенца не отвалится пуповина. До этих пор ребёнок не считался явленным в человеческое сообщество. Это означало, что у родителей, родственников и жрецов есть время на решение его судьбы. Но как только пуповина отпадала — вопросов быть не могло: маленький человек получал свою путёвку в жизнь.

Это же справедливо для поступков. Результат любого поступка может быть «переигран» до той поры, пока он не закреплён либо обрядом, либо временем. На «всё-про-всё» у желающего изменить произошедшее, как правило, не более 2 — 3-х дней. Более точно этот срок определяется личностными впечатлениями, которые обычно очень чётко фиксируются женщинами. Время от времени от них можно услышать фразу типа: «Ты представляешь, и он мне это сказал! Меня потом несколько дней трясло!» Именно это «трясло» и определяет срок рождения на свет события. Как только человека перестаёт трясти — событие рождается на свет, и повернуть его обратно становится невозможно. Но в момент «тряски» его (событие) пусть и с большими потерями, но можно «переиграть». Можно постараться принести извинения, подарить подарками, пасть на колени и любыми другими действиями постараться «смазать» нанесённый урон.

Так же обстоит дело со смыванием позора. Пока произошедшее вызывает «тряску» у присутствовавших в момент его совершения — позор можно постараться не допустить до себя или смыть. Но смывают его обычно кровью.

Рассуждая о времени, необходимом для изменения случившегося, уместно вспомнить и о древнеиндийской практике «Сати» — добровольном лишении себя жизни супругой умершего. Согласно индуистским воззрениям, жена может разделить благую загробную участь мужа, если взойдёт на его погребальный костёр. Более того, считается, что благодаря своей жертвенности, женщина в буквальном смысле сжигает все свои прегрешения и прегрешения своего мужа, давая возможность, тем самым, им соединиться в божественной чистоте за линией жизни. При этом в её руках должны быть или голова мужа или хотя бы его головной убор. Время пригодное для исполнения этого действия определяется моментом кремации. После кремации подобный результат становится недостижим.

Несмотря на то, что данная практика была категорически запрещена бездумными английскими колонизаторами, она дала свои ростки в европейском мире. С одним лишь отличием. Не имея достаточного религиозного воспитания и не понимая что за чем следует, эмоциональные европейские леди кончали свою жизнь самоубийством, невзирая на сроки, прошедшие со дня смерти своего любимого мужчины:

«20 октября 1977 года повесилась в собственном гараже Мари Терез Вальтер, бывшая возлюбленная Пабло Пикассо. Её дочь (прижатая от художника) рассказывала, что мать так и не смогла преодолеть своей бурной страсти к Пикассо. И когда он умер, решила, что должна следовать за ним, чтобы продолжать заботиться о нём. Точно так же спустя 9 лет поступила и официальная вдова художника — Жаклин Пикассо».

Харакири

Самый, пожалуй, известный в мировом масштабе способ недопущения позора — японский обряд под названием «харакири»¹⁶. Запятнавший свою честь, исполнял его, вскрывая ритуальным мечом свой живот. Иногда дважды, крест-накрест. Так должен был поступить

---

¹⁶ Примечательно, что термин «харакири» (вскрытие живота) имеет для японцев ироническую окраску. И обычно употребляется в отношении самурая, неудачно «вскрывшего себе живот». Более благозвучно звучит «сэппуку» — иероглифы те же, что и в слове «харакири», но они облагорожены чтением по-китайски.

любой уважающий себя человек из высшего общества или самурай, когда речь заходила о сохранении чести. Кстати, откуда пришёл обряд, неизвестно. Японцы сохранили несколько легенд на этот счёт, но злые языки поговаривают, что на самом деле они заимствовали «харакири» у своих извечных врагов — северных языческих племён айну.

Возможно, это так и есть, ибо самоубийство, как способ очистки совести, известно практически у всех народов мира. Пусть не так эффектно, как японцы, но выстрелом в голову или в сердце кончали с собой люди высшего общества из разных стран. Кто-то вешается, кто-то травится, кто-то сжигает себя... Продолжить этот список возможно, хотя и несколько бессмысленно. Гораздо более важным и интересным является вопрос: «Каковы сроки исполнения самоубийства как средства избежать позора?»

Согласуясь с предыдущей главой, следует сказать, что, ***так как самоубийца окажется в пограничном пространстве именно в том состоянии, в котором он уходил из жизни, то весьма важно было исполнить самоубийство, пока позор ещё не покрыл провинившегося (то есть, 2-3 дня)***. Если самоубийца успеет проделать своё действие в этот срок — можно надеяться, что он уйдёт в «непотревоженном» состоянии. Правда, в данном случае, можно только надеяться — уверенным быть крайне сложно. Чем больше времени уйдёт на осмысление позора, тем более бестолковым получается сам акт лишения себя жизни.

Ибо как обычно себя ведет потенциальный самоубийца? Он в истерике или депрессии, выясняет мнение друзей и знакомых или отправляется в храм, проводит ночи без сна и, в конце концов, решается. Это и есть самый бестолковый способ лишиться себя жизни. Самоубийце следует знать следующее. Как только он почувствовал обжигающую и удушающую волну позора — расставаться с жизнью бессмысленно! В этом случае он не очистится от позора, будет лишь хуже. Грамотный самоубийца должен уметь удерживать свой позор на расстоянии. Он должен уметь не впускать его в себя, должен абсолютно трезвым умом оценить свои возможности противодействия случившемуся, и только если все перспективы печальны, — срочно лишиться себя жизни, дабы сохранить доброе имя и получить благую посмертную участь.

К примеру, соратник и единомышленник Гитлера Герман Геринг, как известно, предстал перед судом Нюрнбергского трибунала. На заседаниях он вёл себя достойно и в меру сил пытался обелить как гитлеровский режим, так и себя самого. И, тем не менее, он был признан виновным перед человечеством и приговорён к лишению жизни. Известно, что «Железный Герман» (как звали его в народе) нашёл возможности и не допустил приведения приговора в исполнение. Он отравился цианистым калием у себя в камере. Сумел ли он таким образом избежать позора, — неизвестно, ибо для правильного совершения акта самоубийства, он должен был:

- *полностью разорвать отношения с родственниками, дабы в случае неудачи не повлиять на их последующую жизнь;*
- *разорвать отношения с религиозной традицией, ибо в нарушение её правил, на свой страх и риск устремлялся в своё последнее путешествие самостоятельно;*
- *идеально выверить свой дух на совершение последнего путешествия*

Цель же Геринга, скорее всего, вряд ли была достигнута, ибо, во-первых, он признал приговор и письменно просил о помиловании, а во-вторых, прождал целых 2 недели с момента вынесения приговора. На Нюрнбергском процессе предельно достойно вели себя только 2 человека. Зейсс-Инкварт, который, в отличие от большинства прочих, уводимых под руки, спокойно выслушал приговор и, поклонившись судьям, на твёрдых ногах проследовал к лифту. И адмирал Рёдер, подавший просьбу о замене пожизненного заключения смертной казнью.

Несмотря на всю простоту изложенного, автор порекомендовал бы всем желающим окончить свою жизнь самоубийством, подождать, ибо шансы всё оценить верно, весьма и весьма невелики. Как правило, уйти подобным образом оказываются способны лишь единицы. Понятно, что каждый, намыливающий верёвку или поигрывающий пистолетом у виска, уверен в том, что именно он-то и есть этот «один из миллиона». Будьте внимательны — почти наверняка это окажется вашим последним и печальным заблуждением. А в последствии вам и вашим родственникам ещё придётся горько пожалеть о содеянном.

Даже если вы решили просто выпить чашу с цикутой или выбрали любой другой из «лёгких» путей, необходимо быть уверенным в себе в момент конечного ухода — в тот момент, когда, находясь на грани жизни и смерти, вы должны будете суметь сохранить стремление к небесам. Чтобы проверить это, попробуйте представить, сможете ли вы поступить как настоящий самурай, исполняющий сэппуку бамбуковым мечом, взрезающий свой живот дважды, крест-накрест. Представьте, и если вы сумеете не закричать от боли и сохранить свои мысли в направлении божественных сфер — вы именно тот, который «один на миллион». Мы не говорим, что такое невозможно, но всё же этот путь для совершенно особых людей и об этом забывать не стоит.

К примеру, анархист Гершельман, находясь в тюрьме, облил себя из лампы керосином и сгорел, не издав при этом ни единого стога. Он боялся, что в противном случае ему могли помешать.

Если вы сможете сделать нечто подобное, сохраняя в то же время стремление к небесам — то ваша сила воли настолько велика, что, в принципе, вам даже не нужна помощь религиозной традиции. При таком уровне сосредоточения и самоотречённости вы сможете достичь небесных сфер самостоятельно. Но не дай вам бог хоть на долю секунды пустить слабинку и хотя бы скрипнуть зубами от неподдающейся описанию боли — в этом состоянии вы и застынете в пограничном пространстве. Не позволяйте себе ошибиться...

В дополнение хотелось бы сказать, что самоубийство, как средство защиты поруганной чести, кроме того, что является уделом немногих, иногда просто невозможно по различным обстоятельствам. Например, когда обвинительный приговор читают непосредственно перед смертной казнью. В этом случае, гораздо предпочтительнее, сохраняя достоинство и не пуская внутрь себя сказанное, спокойно принять смерть. Случаи, когда человек прощается с жизнью с посторонней помощью, несравненно более выгодны для его последующей судьбы, чем наложение на себя рук лично. Главное — сохранить надлежащее состояние духа. К примеру, как это сделал известный поэт серебряного века Николай Гумилёв:

«Да...Этот ваш Гумилёв...Нам, большевикам, это смешно. Но, знаете, шикарно умер. Я слышал об этом от членов расстрельной команды. Улыбался, докурив папироску... Фанфаронство, конечно. Но даже на ребят из особого отдела произвёл впечатление. Пустое молодечество, но всё же крепкий был тип. Мало кто так умирает...»

Из воспоминаний С. Боброва

Голодание как способ самоубийства

Продолжая тему самоубийства, следует заметить, что немедленное самоубийство не является единственным способом недопущения в себя разрушительного воздействия позора. Для седой древности был характерен и иной способ прощания с жизнью.

Чаще всего это было позволено воинам прямо на поле битвы в **особых и исключительных случаях**. К примеру, Махабхарата рассказывает, как некогда великий воин по имени Дрона-ачарья, услышав о смерти своего единственного сына, прекратил сражение, сложил оружие,

принял положение «прая» и приготовился к смерти от голода и жажды. С точки зрения религиозной традиции, он имел на это полное основание: взрослый женатый сын не должен «опережать» своего отца в обретении смерти. Это нарушает течение цепи предков и потомков. Важным был лишь способ лишения себя жизни. Воину (ещё раз подчеркнём — в особых и исключительных случаях) разрешалось лишиться себя жизни через смерть от голода и жажды. Считалось, что в данном случае линию жизни прерывает не он сам. А раз так — его «тело вечности» даже не нуждается в доработке родственниками. Принудительным голоданием воин как бы очищает себя, и если в момент смерти ему удаётся удержать свой дух в возвышенном состоянии, к нему нисходят валькирии с апсарасами, унося его в Вальхаллу — местопребывание эйнхериев (воинов-героев)¹⁷.

К сожалению, у нас отсутствует достаточное количество информации на тему, каковы качественные сдвиги «тела вечности» в результате длительного воздержания от пищи и воды. Возможно, в данном случае организм, не тратящий энергию на переваривание пищи (а обычно на это уходит 95% имеющейся энергии), переводит её на совершенствование «тела вечности». А проведение особых практик «правильного умирания» обеспечивает умершему возможность «самонацеливать» душу в потустороннем мире и таким образом компенсировать отсутствие похоронно-поминальной помощи родственников.

Ещё раз повторимся, что у нас отсутствует подобная информация. Однако размышлять на эту тему нас побуждает не только древнеиндийская практика воинских отречений (и последующей голодной смерти прямо на поле боя), но и иные случаи.

Так, из курса школьной истории мы знаем о практиках умирания, имевших место в традиции южно-африканских и австралийских племён, живущих охотой и собирательством. Эти племена известны постоянной сменой места жизнедеятельности, вызванной непрерывным поиском пищи. В определенный момент своих постоянных миграций полные сил аборигены оставляли своих престарелых соплеменников фактически на голодную смерть. Подобная традиция давала прекрасную возможность завоевателям данных территорий негодуяще восклицать: « Вы только взгляните на этих дикарей! Бросают на голодную смерть собственных матерей и отцов! Наша святая обязанность — уничтожить это злобное варварство!»

Естественно, защитники цивилизации не обращали внимания на то, что старики оставались на голодное умирание добровольно. Захватчиков в принципе не интересует, почему такой обычай существует. Или что за ним стоит. Так называемые «варварские» традиции — прекрасный предлог для того, чтобы отхватить очередной кусок земли, аргументируя это борьбой за культуру и прогресс.

Всем же остальным было бы полезным узнать, что делают старики, оставленные на голодное умирание. Быть может, в этих практиках есть особый толк и особый смысл? Может быть, угасание на больничной койке или дома под взглядами родных ведет к худшему послесмертному результату, чем умирание от голода? Готовы ли вы прямо и однозначно ответить на этот вопрос?

Самоубийство в знак протеста

«...Но столь же жаль и молоденького 17-летнего комсомольца, покончившего с собой в знак протеста против введённого Лениным НЭПа. В некрологе, помещённом в «Правде» 20 мая 1922 года, по поводу этой смерти сказано: «Часто приходилось от него слышать, что прежде всего надо быть коммунистом, а уж потом — человеком!»

А.Лаврин «Хроники Харона»

---

¹⁷ Подробнее на эту тему в книге Медведева М.М. «Смерть и воинская традиция» (готовится к изданию).

Продолжая повествование о самоубийстве, уместно рассмотреть и такое явление, как самоубийство в знак протеста. Это достаточно древняя форма воздействия на своих противников. Двигаясь из древности, она принимала многие формы и обличья:

К примеру, в мае 1990 года египтянка, мать двоих детей, покончила с собой самосожжением, после того как муж запретил ей смотреть по телевизору её любимый сериал. В газетном сообщении о происшедшем говорилось, что «супруг обратился к жене с просьбой убраться в доме, вместо того чтобы смотреть телевизор. После этих слов она бросилась в туалет, облилась керосином и щёлкнула зажигалкой. Пламя удалось потушить, но женщина получила тяжёлые ожоги и скончалась по пути в больницу».

Пример, конечно же, курьёзный, говорящий лишь об исключительно эмоциональном и бездумном поведении женщины, но были и иные, утверждённые традицией, обычаи. Для их демонстрации приведем один, достаточно древний раджпутский обычай, имеющий название «Трагу». Обычно этот обряд исполняли «бхаты»¹⁸ — индийские сказители, составители и хранители генеалогических хроник, героических баллад и песен. Бхаты — люди совершенно особенные, уникальные в индийском обществе. Они исключительно уважаемы и почитаемы во всех его кастах. К их мнению прислушивались и прислушиваются все, включая правителей страны.

Но случалось так, что своим невниманием, а иногда и прямым неуважением (словом или делом) некий самовлюбленный правитель мог обидеть «бхата». В этом случае тот требовал извинений. Не получив оных, под воздействием оскорбленных чувств, он мог пойти на крайние меры. Именно тогда и совершалось «трагу» (самоубийство в знак протеста). Бхат резал себя, пуская кровь, последним актом выпуская себе кишки. Пролитая кровь «падала» на оскорбителя, подвергая его жизнь угрозе кармического наказания. Ценой своего загробного «беспокойства» бхат наносил непоправимый удар оскорбившему его человеку и, что самое страшное, всему его потомству по мужской линии.

Разновидностей «трагу» достаточно много и в современном мире. Люди сжигают себя, взрывают, топят, вешают, бросаются под танки и т.д. В любом из этих случаев они обрекают лицо (или группу лиц), против которого направлено самоубийство, на бесконечную череду бед и злоключений.

Важной особенностью обряда является место его совершения. Поскольку считается, что самоубийца привязан к месту своей смерти, для её максимальной эффективности (в смысле отмщения) рекомендовалось исполнить задуманное как можно ближе к объекту своей ненависти.

К примеру, обиженный кем-то чуваш лишил себя жизни через повешенье на воротах двора своего обидчика. Такой обряд назывался «сухая беда» и был грозен обидчику тем, что самоубийца в виде страшного загробного гостя поселялся у него во дворе. Выгнать такого «гостя» со двора у хозяев не было никакой возможности, за исключением переселения на иное место. Что, в общем-то, тоже ещё не гарантировало положительного исхода — загробный житель мог последовать и туда.

Шахиды

При рассмотрении способов самоубийства невозможно обойти и такое явление сегодняшней жизни как «Шахиды».

---

¹⁸ Другое название «Бардаи» – поэт. Слово весьма созвучное ирландским бардам.

«Слово «Шахид» в обычном переводе трактуется как человек, «пожертвовавший собой за веру и погибший мученической смертью. Согласно хадисам, шахид утверждает свою веру смертью в войне против неверных. Ему гарантирован рай, куда он попадает, минуя испытания в могиле и чистилище (ал-барзах). В связи с этим он даже не нуждается в омовении перед погребением. Шахиду прощаются все грехи, и в раю он получает высокое положение, вблизи трона Аллаха».

Так рассказывает о мучениках за веру «Энциклопедический словарь ислама», выпущенный в Москве в 1991 году. Пытаясь провести параллели, мы увидим, что понятие «шахид» имеет аналоги в других культурах. Это и «камикадзе» в Японии, и «эйнхерий» в древней Скандинавии, и «герой» на Руси и т.д. Но хотя уподобить эти термины, безусловно, можно, их нельзя приравнять. «Шахид» — категория особенная.

Поясняя сказанное, упомянем, что арабское слово «шахид», кроме широко известного значения «мученик», имеет и второй вариант перевода. В этом случае оно переводится как «свидетельствующий» и широко используется в судебной практике. Если суммировать оба перевода, получается, что «шахид», по всей вероятности, следует переводить как «человек, свидетельствующий свою веру своей смертью». В силу этого термин характеризует не только тех, кто пожертвовал собственной жизнью во имя веры. В отличие, к примеру, от «камикадзе», к категории «шахидов» примыкает и тот, кто погиб за веру мученическим образом:

- мусульманин, которого задавили во время ритуальных церемоний на территории Мекки;
- мусульманин, который совершал паломничество (хадж) и его укусила скорпион;
- мусульманин, погибший во время стихийного бедствия;
- мусульманин, отравившийся виноградом на пути к Мекке и т.п.

В принципе, «шахида» отличают 3 категории:

- он гибнет преждевременно
- гибнет мученически
- и во время гибели, до самого своего конца, свидетельствует свою приверженность вере

Если шахид соответствует всем этим трём категориям, он, несомненно, обретает лучшую жизнь в райских кушах Аллаха. Правда, особую сложность вызывает трактовка третьего пункта — «шахид во время гибели свидетельствует свою приверженность вере». То есть, умирая мученической смертью, шахид не может нарушить изложенных в Коране заповедей, оставленных миру Мухаммедом. Соответственно, он должен быть очень внимательным при выборе как способа пожертвовать жизнью, так и определяясь с местом и временем. Согласно Корану, верующий (мусульманин) не имеет права покуситься на жизнь истинно верующего. Кроме того, истинный мусульманин не может покуситься на жизнь невинного. В категорию невинных теоретически попадают:

- девочки до 9-и лет;
- мальчики до 12-и лет;
- беременные женщины;
- женщины, что передали свою волю в руки своих мужей;
- старики, вышедшие за пределы социальной жизни, ответственность за чьи действия находится в руках их собственных детей.

Шахид не имеет права не то, чтобы забрать жизнь невинного, но даже причинить ему ущерб. Если акт пожертвования состоялся при соблюдении всех условностей, его подвиг безупречен, и он, без сомнения, обретает высшее блаженство.

Для человека, не исповедующего ислам, эти правила могут показаться вычурными. Однако не стоит думать, что Мохаммед в процессе своей деятельности изобретал некие положения, которые стали потом составляющей его религии. Отнюдь нет: в данном случае Мохаммед озвучивал исключительно важное положение каждой религиозной системы — правила перехода границы миров. И если шахид что-то сделает неверно, не видать ему райских кущей, как своих ушей.

Основная беда современных шахидов — они неточно информированы о том, что будет с ними после свершенного акта самопожертвования. Им внушают (этот термин здесь уместен), что, взорвав вместе с собой, к примеру, автобус с неверными, они попадут прямо в рай. Те, кто инструктируют будущих шахидов подобным образом, или не понимают, что говорят, или сознательно обманывают желающих стать героями. Никакими шахидами эти люди не станут, и ни в какой рай они не попадут, **причиной же этому является то, что в данном случае неверные не отделены от невинных**. К примеру, 10-летний мальчик, в силу возраста, ещё не стал истинным верующим — но, вполне вероятно, станет им через несколько лет. Так что шахид лишает жизни потенциального единовеца, таким образом нарушая ислам.

Что касается неверных (правда, этот термин не так прост, как кажется), сказанное здесь справедливо — умерщвляя их, шахид движется прямо в рай. Убивая же невинных, шахид перегораживает их телами свою дорогу в рай. Хитросплетения мироздания таковы, что на невинно убиенных переходят все благие дела того, кто их убил. А убийца (бывший шахид) оказывается, своего рода, «голым». В его активе остаются только прегрешения, которые моментально утягивают его в адские глубины.

Когда заходит речь об убийстве, в первую очередь — себе подобных, практически любой человек ощущает чувство внутреннего протеста. Если внимательно прислушаться к себе, можно достаточно легко уловить его биение. Внутренний контролер, совесть, всегда правильно ориентирует в подобных ситуациях. Каждый через неё может перешагнуть, но каждый должен знать, что ничем хорошим это не закончится.

Сабуро Сакаи «Самурай»: «...Выстрелов не последовало. Пушки противника молчали. Не верилось, что это происходит на самом деле. Скорость упала и вскоре наши самолёты уже летели крылом к крылу. Я открыл окно кабины и выглянул. Сквозь фонарь кабины истребителя противника я смог рассмотреть пилота. Это был крупный мужчина с круглым лицом. Вопреки моим предположениям он оказался совсем не молодым.

Несколько секунд мы летели рядом в этом странном строю, не отрывая друг от друга глаз. Истребителю противника сильно досталось. Крылья и фюзеляж были покрыты пробоинами. Обшивка руля поворота исчезла, металлические шпангоуты торчали как рёбра у скелета. Теперь я понял, почему пилот летел по прямой и не открывал огонь. Правое плечо у него было в крови, и пятно крови расплывалось по груди. Казалось невероятным, что его самолёт ещё держится в воздухе.

Пора было что-то решать. Но я не мог хладнокровно убить человека. Получив ранение, он оказался беспомощным, а его самолёт превратился в развалину. Я поднял левую руку, погрозил ему кулаком и крикнул, чтобы он сражался. Американец встревожился, с трудом поднял руку и слабо помахал мне.

Столь странных чувств я ещё не испытывал. Я убил много американцев в воздушных боях, но сейчас я впервые видел человека, который слабел у меня на глазах от нанесённых ему ран. Я никак не мог решиться положить конец его мучениям. Глупо, конечно, было так думать. Пусть и раненый, но он был моим врагом, едва не убившим трёх моих товарищей всего несколько минут назад. Но у меня не поднималась рука прикончить его. Мне нужен был самолёт, а не лётчик.

Я снизился и снова зашёл ему в хвост. Американец, видимо собрав остаток сил, пошёл вверх, в попытке выполнить петлю. Этого то я и ждал. Нос его самолёта оказался вверх. Я тщательно прицелился в двигатель и слегка надавил на гашетку. Моментально из двигателя вырвались языки пламени и дыма. «Уайлдкет» опрокинулся на крыло, а пилот выпрыгнул с парашютом. Далеко подо мной, прямо над побережьем Гвадалканала, парашют раскрылся. Лётчик не держался за стропы, его обмякшее тело мешком висело под куполом. В последний раз, когда я его видел, он медленно приближался к берегу...»

Голодовка как форма самоубийства в знак протеста

Мягкой формой самоубийства «в знак протеста» обычно считается голодовка, что на самом деле является серьёзной ошибкой. Голодовка, по сути, это растянутое во времени, «последнее предупреждение» обидчику. Прямая и непосредственная угроза посредством своей смерти усложнить и ухудшить как эту, так и все последующие, его жизни. Считалось, что такой самоубийца, как минимум, будет мстить ровно столько, сколько он бы ещё прожил до естественной смерти. Причем, если после этого срока загробный гость не будет отпет и надлежащим образом помянут, он продолжит «висеть» над обидчиком. Когда же тот каким-то образом сумеет «увернуться» от непрошенного внимания, «неупокоенный мертвяк» «зависнет» над мужским потомством человека, ставшего причиной его гибели, как минимум, до его 4-го колена.

Следует учесть, что самоубийство «в состоянии аффекта» значительно слабее по воздействию, чем исполненное спокойным умом, направленное осознанной мыслью. В этом смысле голодовка, как акт длительного сосредоточения на идее мести, гораздо более опасное действие.

Важнейшим моментом в процессе голодовки является способность голодающего сконцентрироваться на акте мести непосредственно в момент умирания. В этом случае умерший буквально «прилипает» к объекту мщения, получая возможность «вытягивать» из того все жизненные соки. Но если удержать сознание не удастся, его настигнет судьба обычного самоубийцы — бесприютное скитание по юдоли пограничного пространства.

Глава 3

Кровная месть

***«Не оскверняйте земли, на которой вы будете жить; ибо кровь оскверняет землю. И земля не иначе очищается от пролитой на неё крови, как кровию пролившего её...»
Ветхий Завет (Числа 35,33)***

В пределах данной работы представляется уместным обратить внимание и на такое явление человеческой культуры, как кровная месть. Обычно считается, что данный обычай являет собой механизм, восполняющий потерю в роду убитого. Согласно этому мнению, в роду образуется некая «пустота», которую, родственники и восполняют лишением жизни убийцы. Причём, пока они этого не свершат, они не имеют права пользоваться, к примеру, хозяйским местом, наследством убитого. История сохранила ряд тому свидетельств:

«Однажды один исландец по имени Бард, попытался сесть на место своего убитого старшего брата и встретил яростный отпор со стороны матери, которая ударила его по лицу и запретила ему там сидеть, пока тот не отомстит за своего

родича. Затем она принесла своим сыновьям камень вместо хлеба со словами: «Вы не достойны лучшего, чем камень, потому что не мстите за брата и позорите свой род».

Исландская сага «О битве на Вересковой Пустоши»

Если возможностей хватало, старались мстить всегда. Не получалось наказать непосредственного обидчика — «пустоту закрывали» кровью родственника убийцы. Желательно, по мужской линии.

Хотя, с нашей точки зрения, подобное объяснение («Кровь восполнит кровь!») нельзя считать однозначно удачным: из него не ясно, почему в случае кровной мести необходимо убить именно организатора. Если говорить о «восполнении пустоты», понятно, что «достать» его не просто. Гораздо легче настигнуть любого из родственников виновника конфликта. Однако же, нет! Какая-то непонятная логика требует убийства конкретно главного исполнителя.

Для детального исследования механизма «кровной мести», в первую очередь нужно обратить внимание на дальнейшую судьбу убитого. Следует помнить, что в случае убийства человека имеется не один, а два сценария развития последующих действий:

В одном из них родственники хоронят убитого по всем правилам — отпевание, прощание, ритуальный дневной плач, духовные песнопения ночных бдений, иные поминальные процедуры. В этом случае род покойного вполне может удовлетвориться извинениями со стороны как самого убийцы, так и его рода, естественно, подкреплёнными достойной «вирой» (компенсационной выплатой за убитого).

Иногда месть может быть отменена и по другим причинам:

В 1942 году солдат Димитр Гуцеров пришёл к Ванге с просьбой указать убийцу его брата. Прорицательница ушла от ответа:

«Я скажу тебе о них, но не сейчас. Ты должен мне пообещать, что не будешь мстить, это не нужно. Ты же доживешь до того дня, когда своими глазами увидишь их кончину».

Другой вариант развития событий наступает, когда убитого не удаётся похоронить, отпеть и помянуть по всем правилам. Сюда же относятся ситуации, когда этого не удалось сделать своевременно (убийство было тайным, а тело было спрятано; человек погиб на чужбине и т.п.). В этих многочисленных случаях умерший не имеет возможности закончить свой жизненный путь надлежащим образом. Он становится неуспокоенным мертвяком (упырём, навием, волколаком, караконджулом и т.д.) — злобным злокозненным существом, зависшим между мирами¹⁹.

---

¹⁹ Примерный список причин превращения умершего в злокозненное существо таков:

- Самоубийство
- Смерть от ран
- Смерть от болезни
- Отсутствие ритуального плача
- Лишение умершего отпевания
- Смерть без исповеди
- Смерть в темноте или на чужбине
- Во время праздника Святков
- В случае неисполнения прижизненных обязанностей
- В случае отсутствия потомства и др. случаи

Неуспокоенный, он становится настоящим проклятием для всех окружающих. **В данных обстоятельствах зачастую даже трудно сказать, кто более заинтересован в его «упокоении» — убийцы или родственники.** Мы привыкли считать, что близкие должны совершить кровную месть, но такая формулировка не совсем верна. Точнее — они её **совершают вынуждены**, ибо в противном случае убитый, по цепочке, имеет реальный шанс потянуть за собой в «мир иной» всю родню.

Но зачем всё-таки в отместку лишать кого-либо жизни? Может быть всё же лучше брать «виру» деньгами? Неужели уже погибшему от этого станет легче? Как ни покажется странным, при определённых обстоятельствах это так. Смерть «обидчика» в результате кровной мести решит для убитого все проблемы пребывания в «пограничном» мире. С одной стороны, на него переходят все заслуги убийцы, что позволяет ему достроить своё «тело вечности». С другой, он использует собственного убийцу как мост для переправы через реку Забвения.

«Если гияк погибал в борьбе с медведем, то сородичи обязаны были отомстить. Для этого они отправлялись по следам зверя и убивали его. Если же настичь убийцу не удавалось, то вместо него убивали двух других медведей. Убитого медведя, в таком случае, помещали в особо построенную клетку из накатника и верхом на медведя усаживали убитого им гияка. Если же от убитого гияка оставались одни кости, то тогда их просто клали рядом с медведем в клетку»

Л.Я. Штернберг «Материалы для гияцкого языка и фольклора» СПб., 1908

Путешествие верхом

В древнем Риме в случае смерти императора в небо отпускали орла, чтобы он помог душе умершего переправиться в иной мир.

***Люди мрут — нам дорогу трут!
Передний заднему — мост на погост!
Русская народная пословица***

Услышав, что убийца может служить своего рода «мостом» на пути к упокоению, кое-кто, наверное, посчитает это ерундой. Каким бы смешным или печальным ни казалось подобное утверждение, но это, по всей видимости, именно так. В случае совершившейся кровной мести, убийца становится или мостом или, если хотите, ездовым животным для своей жертвы. Именно благодаря ему (на нём или «в его шкуре») убитому удаётся перебраться через реку забвения, отделяющую «пограничные» миры от «миров покоя».

Этот способ переправы (используя «проводника») известен у многих народов мира. Выполнялся он по-разному, но смысл был один – умершему нужен кто-то для преодоления реки Забвения. У скотоводческих народов умершего могли полностью заворачивать или даже зашивать в шкуру тотемного животного, хранителя данного рода. Последователи индийского божества Вишну, перед смертью держались за хвост коровы, представляя как они это будут делать в ином мире, переправляясь через преграду миров.

В четвёртой книге «Ащвалаяна-грихьясутры», авторитетного источника середины 1-го тысячелетия до нашей эры, повествуется о домашних обрядах. В частности, описано, как в определённом богами порядке раскладывать органы священного животного, принесённого в жертву по случаю смерти человека. Рекомендовано, соответственно телу умершего раскладывать члены коровы или козы, носящих имя Анустарани. Сальник клали на голову

умершего, почки в руки, сердце на сердце и т.д. Всё это накрывали шкурой и от жертвенных домашних огней зажигали костёр.

В других случаях лицо человека закрывали похоронной маской, на которой было изображено божество, охранявшее данного человека и его род. Эти погребальные маски известны во многих уголках мира. Наиболее древнюю недавно нашли чилийские археологи. На лице девочки, умершей 7000 лет назад, была одета глиняная маска, а на голове — дополнительный волосяной парик. Так сопровождали в мир «иной» своих родичей индейцы племени чинкорро²⁰.

Убежища для людей с «окровавленной рукой»

При совершении акта кровной мести иногда случались досадные накладки. К примеру, в ирландской традиции существовали места, куда убийца мог уйти, и где, согласно закону, пребывал в полной, правда временной, безопасности.

*«...В ту пору этот Дом был одним из шести Королевских Домов в Ирландии. Звался он Дом Да Хока на Слиаб Малонн. На скрещении дорог стоял каждый из этих домов. Лишь один раз дозволялось там брать еду из котла. Но зато всякому здесь доставалось то, что было ему больше по вкусу. Каждый такой Дом был убежищем для людей с «окровавленной рукой»...
Ирландское сказание «Разрушение дома Да Хока»:*

Такие же места, даже более того, целые города существовали в иудейской культуре. Ветхий Завет (Числа. Гл. 35):

«Из городов, которые вы дадите левитам, будут 6 городов для убежища, в которые вы позволите убежать убийце. И сверх их дайте ещё 48 городов с полями при них...

И будут у вас города сии убежищем от мстителя, чтобы не был умерщвлён убивший, прежде чем он предстанет перед обществом на суд...

Если же убийца выйдет за предел города-убежища и найдёт его мститель — пусть убьёт мститель убийцу сего; и не будет на нём вины кровопролития...

И должно общество спасти убийцу от руки мстителя за кровь. И должно возвратить его общество в город убежища его, чтобы он жил там до смерти великого священника, который помазан священным елеем. А после смерти священника должен возвратиться убийца в землю владения своего...

(Второзаконие, 19, 10-13): «Дабы не проливалась кровь невинного среди земли твоей, которую Господь, Бог твой, даёт тебе удел. И чтобы не было на тебе вины крови.

Но если кто будет врагом ближнему своему и будет подстерегать его и восстанет на него и убьёт до смерти, и убежит в один из тех городов

То старейшины города должны послать за ним в город убежища его, дабы взять, судить и предать в руки мстителя за кровь. Чтобы он умер.

Да не пощадит его глаз твой; смой с Израиля кровь невинного и будет тебе хорошо...»

По свидетельству раввинов, дороги в означенные города были всегда свободны, находились в хорошем состоянии, а по направлениям, ведущим к ним, стояли

---

²⁰ Полнее на эту тему глава «Переправа» в книге В.Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки»

указательные столбы, давая убийце возможность спастись. В дальнейшем, если следствие доказывало, что он повинен в умышленном убийстве, его лишали убежища и предавали смерти. Если же находили, что он совершил преступление невольно или случайно, ему позволялось жить в городе убежища, но не выходить за пределы оно до смерти первосвященника. Жилище давалось безвозмездно, граждане обучали его какому-то ремеслу или искусству, и таким образом он приобретал себе средства к пропитанию.

Подобные места, в виде неприкосновенных храмов, были и в древней Греции, и в Риме. Смертные не имели права оскорбить богов пролитием крови. Однажды некто Павсаний, случайно убивший девушку, бежал от преследователей и укрылся в храме Минервы. Не решаясь вступить с божеством в конфликт, но распалённые жаждой мести преследователи, тем не менее, завалили двери и обрушили на Павсания крышу святилища.

В храме богини Афины прятались и участники неудавшегося заговора Килона (632 г. до н.э.) Но сидеть там вечно они не могли. Опасаясь оскорбить божество своей смертью, шатающиеся от голода и жажды заговорщики, решились покинуть храм. Но чтобы не порвать с ней и находится под её защитой, они привязали к ногам статуи Афины длинную верёвку. Держась за нее, заговорщики стали выдвигаться в город, считая, что в подобных обстоятельствах на них никто не осмелится напасть. Однако, возмущенные граждане, презрев религиозные установления, тихонько перерезали верёвку в одном месте и с громкими криками бросились на сотоварищей Килона (он сам успел бежать, когда стало ясно что заговор не удался). Возглавляемые Мегаклом из рода Алкмеонидов, афиняне перебили всех. Расплата не заставила себя ждать. На Афины и в особенности на род Алкмеонидов обрушились мор, неудачные сражения и дурные предзнаменования. Они висели над городом исключительно долго, пока для убитых не был создан специальный алтарь с надписью «Неизвестному богу», а сам Мегакл не изгнан из Афин.

Судьбы бежавших кровников

Случаи, когда кровники бежали от кровной мести, нередки. Но, учитывая негативное отношение к убийству у многих народов, особенно в древности, выбор у них был невелик: бежать в леса и горы и жить там в постоянном страхе, или уйти туда, где законы кровной мести запрещены. Что важно — на такой территории бывший убийца не мог существовать сам по себе. Зона неприкосновенности принадлежала определенному божеству, но порядок на ней охранял местный священный правитель. А посему кровник либо вручал свою жизнь данному божеству и, соответственно, правителю, либо умирал от его руки.

Подобным образом существовали абреки на Кавказе. Абрек — это убийца, бежавший от кровной мести и вручивший свою жизнь местному князю. Благодаря этому он получал защиту, но терял собственную волю. Теперь, что бы он ни делал, всё должно согласовываться с правителем. Князья обычно охотно брали на содержания беглых кровников, поскольку в их лице получали замечательных и самоотверженных воинов.

Таким же было положение мамелюков в Египте, капыкулу (янычар и девширме) в Турции, гулямов в Сасанидской Персии, самураев в Японии и т.д. Со временем ряды кровников множились и стали образовывать особые подразделения при правителе, которые занимались как его личной безопасностью, так и доверенным участием в его любых начинаниях.

Даже хорошо нам знакомое европейское рыцарство имеет своим началом все те же сборные отряды из лихих людей. Вот что пишет по этому поводу Франко Кардини:

«...воины-профессионалы в королевские свиты (comites regis) в основном рекрутировались из числа изгоев общества — преступников, изгнанников, чужеземцев, то есть тех, кто нуждался в покровительстве сильных мира сего. Взамен от них требовались физическая сила и военный опыт — умение убивать. Григорий Турский презрительно называет этих воинов «гладиаторами» и «сикариями», обличает бандитские нравы так называемых телохранителей и наёмных убийц, рискующих своей жизнью во имя творящих злодеяния вождей».

Франко Кардини «Истоки средневекового рыцарства»

Не правда ли, несколько непривычно для нас, чье отношение к рыцарству сформировано представлением о сообществе благородных, возвышенных и добронравных людей. И тот же самый Франко Кардини не упускает случая, что бы уточнить, что

«...в большей степени подобная атмосфера (авантюры и незаконности) была характерна для дружин викингов, где действовали изверги-звери — берсерки. ...У германцев же комитат (отряды телохранителей) на протяжении столетий был кузницей лучших и благородных воинов. В нём накапливался профессиональный и нравственный опыт, совершенствовались экономические отношения...»

Последнее замечание — не более чем попытка обелить «своих», не делающая чести Кардини, как исследователю. В действительности же формирование отрядов королевских телохранителей, султанской гвардии, княжеской дружины и пр. имеет своим источником именно сообщества воинов «с окровавленной рукой». Их так называемая рыцарская этика — лишь развитый со временем свод правил жизнедеятельности для людей, оскорбивших землю пролитием крови. Что это означает?

Оскорбление земли пролитием крови приводило к тому, что убийца лишался возможности заниматься сельскохозяйственной деятельностью. Он не мог ни получить землю в собственность, ни обрабатывать её. Не мог он стать и ремесленником, в широком смысле этого слова, ибо ремесленники образовывали замкнутые группы и не пускали в них чужих. Изгой даже не мог образовать семью — зная его судьбу и вероятное будущее, за него никто добровольно не пожелал бы отдать свою дочь. Подобное положение оставляло таким людям лишь один вид занятий — воинское служение, а всё их имущество определялось только тем, что было на бойце или под ним. Это вело к невозможности накопить недвижимое богатство и порождало особый культ в их среде оружия и лошадей. Их оружие было самым дорогим и самым лучшим, их кони — самыми быстрыми и выносливыми, их курительные трубки — самыми красивыми, их пояса сверкали золотом и т.д. Свод данных установлений со временем кристаллизовался в то, что у нас принято считать кодексом рыцарской чести, однако, помнить о его истоках необходимо, если мы хотим понимать процессы, происходящие в обществе.

Со временем, в частности, в мусульманских странах, пополнение корпуса «особых» воинов приобрело дополнительный источник. Будущих воинов начали покупать ещё мальчиками на невольничьих рынках. Либо, подобно турецким «девширме», брали в виде налога «на кровь» в завоёванных христианских районах. Их воспитывали в определённой среде, шаг за шагом прививая правила верности своему

хозяину и воинские навыки. Вырастая и не имея никаких корней в окружающей среде, они становились замечательными бойцами, жёсткими, упорными, беззаветно преданными своему вождю. Вот что пишет на эту тему в Интернете Fenrus 01:

Институт, который — без преувеличения — играл роль станового хребта османской государственности, носил название «девишirme». Смысл его заключался в следующем. Раз в несколько лет султан объявлял в своих балканских провинциях, населенных преимущественно христианами, набор мальчиков и юношей на государственную службу. Брала чаще всего детей в возрасте 6-7 лет, реже — но тоже довольно часто — подростков, иногда даже до двадцатилетнего возраста. Существовали специальные квоты для каждой общины — набор никогда не был поголовным. Единственных сыновей в семье никогда не брали. Специальные чиновники, путешествовавшие в сопровождении эскорта янычар во главе с офицером, отбирали здоровых и смышленных мальчиков, которые казались им наиболее перспективными. Янычары такому чиновнику были нужны скорее для наглядной агитации среди родителей, чем для принуждения — девишirme в целом было весьма популярным институтом. Для бедных крестьян из глухих деревень оно было хорошим способом облегчить существование семьи и одновременно — дать своему ребенку шанс на лучшую жизнь. Брала детей только из христианских семей, что было поводом для страшной зависти со стороны их соседей-мусульман — известно много случаев, когда родители-мусульмане подкупали христианскую семью с тем, чтобы те выдали их сына за своего, и пропихнули его таким образом в девишirme. Впоследствии, боснийские мусульмане после длительной борьбы и мытарств добились для себя права участвовать в девишirme наравне с христианами.

Рекруты, набранные таким образом, никогда не возвращались домой. Их привозили в Стамбул, где первым делом обращали в ислам, а затем подвергали всестороннему тестированию, чтобы выявить способности. Наиболее одарённых отправляли в специальную закрытую школу при султанском дворце. Там им давали блестящее образование — турецкий, арабский и персидский языки, мусульманская теология и право, история, география, литература, основы математики и медицины, одновременно — обширный курс физического развития, верховая езда, владение всеми видами оружия. Те из них, кто проявлял себя лучше других в процессе обучения, становились в дальнейшем чиновниками и администраторами, доверенными слугами и советниками султана. Самые талантливые могли подняться до высшего пика карьеры на султанской службе — должности Великого Визиря. Неплохая перспектива для нищего мальчишки из Богом забытой деревушки. Другие по окончании обучения шли служить в элитные кавалерийские полки султанской гвардии — такие части, как «оруженосцы»-силахтары или «сипахи дворца». Наконец, те рекруты, которые с самого начала не попали в эту привилегированную категорию, отправлялись на несколько лет на сельскохозяйственные работы в окрестностях столицы, чтобы укрепить тело и помочь им как следует освоить турецкий язык, после чего проходили интенсивную военную подготовку и становились солдатами элитной пехоты — знаменитого янычарского корпуса (yenî çeri — «новое войско» по-турецки).

Fenrus 01 «Всё что вы хотели знать об Османской Турции»

Интересно отметить — со временем, пополнение корпуса «особых» воинов через покупку мальчиков-невольников (или взятие по налогу) стало основным и принципиально потеснило приём правителем кровников. Что, в свою очередь, привело

к постепенной утрате жёстких внутренних правил, присущих этому воинскому подразделению.

Если раньше воин «с окровавленной рукой» не мог быть собственником земли (ибо некогда он оскорбил землю пролитием крови), то на юношу, купленному на невольничьем рынке, подобная норма не распространялась. Со временем особые правила, назначенные обществом для данной воинской касты, стали утрачиваться. До поры до времени они держались, но однажды, фактически принуждаемый воинами, правитель отменял какие-то из них. Так «особые» воины получали права жениться, обзаводиться землёй, заниматься ремёслами и многое другое.

Особенно это интересно потому, что уравнивание в правах с остальными рушило все достижения «особого» корпуса. Вместо лихих, лёгких на подъём, беззаветно преданных своему вождю воинов, общество получало исполненных спеси, осторожных, тугодумных и коварных подданных. Героическая бесшабашная жертвенность сменилась осторожностью семейных людей. Само по себе это неплохо, но общество, приобретя новых производителей, лишилось отважных защитников.

В своём первоначальном (не женатом) виде, янычарский корпус был фактически непобедим. Он был грозен и неотвратим, как каток асфальтоукладчика. Его можно было уничтожить, на время приостановить препятствием, но не заставить свернуть с выбранного пути. И даже будучи уничтоженным, но имея возможности к восстановлению, «особый» корпус, подобно птице-феникс, восставал из пепла и повергал окружающих правителей в тягостные думы о войне и мире.

Особо следует заметить, что именно корпус Капыкулу (янычар и девширме), состоящий из неженатых воинов, принёс Оттоманской Порте её обширные владения. Без таких исключительно бесстрашных и преданных воинов никакой султан, будь он лучшим из лучших, не сумел бы построить такую империю. Но всё, что было шаг за шагом захвачено капыкулу-холостяками, оказалось под ударом, как только бессемейным даровали дополнительные права. Они оказались неспособны не только завоёвывать новые земли, но даже защитить то, что было заслугой их предшественников.

На Руси подобные отряды, по всей вероятности, также существовали и имели названия «бояре», либо входили в их число²¹. Бояре — слово неясного происхождения. Предположение, что «бояре» были примерно тем же, что янычары в Турции, основано на информации об их дальнейшей судьбе. Так же как янычары и мамелюки, бояре оказались элитным отрядом княжеской власти, получившим особые права и возможности. Именно из их числа назначались наместники и посадники. Вероятно, именно они, как и янычары с мамелюками, выходцы из самых низов, в силу своей преданности и «крепости на рать», стали княжьими мужами. Очень может быть, что, вливаясь в дружину малую, они были прежде чьими-нибудь кровниками, невольниками или иными изгоями.

Конечно же, бояре — группа неоднородная, среди них оказывались и родственники князя, категория сложная и неоднозначная. Время от времени они отдалялись и, опираясь на своё происхождение, начинали выстраивать собственное правление. Изгоям же и кровникам надеяться было не на что. Они либо верно служили князю, получая от него всё больше и больше, либо гибли.

Глава 4

---

²¹ Вместе со словом «боярин», в то же самое время в литературных источниках фигурирует слово «болярин», согласуясь с ним по смыслу и значению.

Этаназия

«Эу тханатос» — (древнегреч.) благородная смерть.

Обзор тем, связанных с преждевременным окончанием жизни, было бы неуместно закончить, не рассмотрев этаназию. Оставив в стороне схоластические споры, зададимся двумя вопросами: «Что происходит после смерти с человеком, умершим от старости?» и «Что происходит с умершим «благородной смертью», то есть, с посторонней помощью?»

Вскоре мы обнаружим неверность поставленных вопросов, ибо «от старости» человек умирает крайне редко. Самой распространённой естественной причиной умирания является смерть от болезни. А вот что происходит после смерти с человеком, умершим по болезни, мы, надо признаться, даже не задумываемся. Для большинства цивилизованного населения планеты эта смерть (в мягкой кровати, в окружении родственников) считается предпочтительной.

По-иному дело обстоит у народов нецивилизованных. Вот что, к примеру, писал на эту тему Д. Леббок:

«...Дикари видят причину смерти в волшебстве. Среди многих из них распространено убеждение, что естественной смерти не существует. Например, у туземцев Южной Африки и ряда индейских племен Южной Америки не допускается, чтобы кто-либо умер естественной смертью. Бечуаны не могут позволить себе представить, чтобы человек умер иначе, чем от голода, насилия или колдовства».

Д. Леббок. Начало цивилизации: умственное и общественное состояние дикарей.

Леббок выпустил свою книгу в конце 19-го века (СПб., 1876г.), но и ныне подход к ритуальному прекращению жизни стариков у традиционных народов не изменился. Как бы данный факт нас ни шокировал, но старикам умереть естественной смертью не давали. Казалось бы, ерунда, и, подобно Леббоку, можно было бы назвать этих людей отсталыми дикарями и успокоиться, однако, как отнестись к сохранившейся в русском языке поговорке: «Старость — не радость, а пришибить некому». Ошибка, описка? Но если уделить исследованию побольше времени, можно убедиться — никакая не ошибка. Да, в традиционном обществе глубоким старикам и тяжелобольным, на определённом этапе их жизни, родственники помогали уйти из жизни. Помогали, боясь, что старик может умереть не от естественной старости, а от болезни. Смерть от духа болезни, пожиравшего внутренности, считалась ужасной, ибо такой человек после смерти не обретал упокоения, а сам становился тем самым духом, который его «пожрал». И, что более ужасно, — основой его последующей потусторонней деятельности становилось «пожирание» остальных членов сообщества (в первую очередь собственных детей). У цивилизованных людей такие случаи называются наследственными заболеваниями. Которые естественно не лечатся и причин появления которых врачи не знают. Обычно они разводят руками и говорят: «Ну, что уж тут поделаешь — будет лечить! Только это без гарантии, вы же понимаете, это наследственность...»

Поскольку у наших предков было своё видение этих процессов, родственники считали невозможным дать духу болезни пожрать члена их сообщества. Они считали, что уж лучше убить этого духа внутри человека, чем «общаться» с ним после смерти старика. Естественно, при этом было необходимо убить самого больного (в запущенной стадии дух болезни считался неотделимым от тела). Иметь в перспективе рядом с собой злого духа считалось опасным. Так что, не просто избавляя больного от мучений, но и спасая родовую организацию от тяжёлой перспективы, наши предки лишали жизни, своих неизлечимо больных стариков. А те, чаще всего не только не протестовали, а даже требовали, чтобы их поскорее убили.

По мнению амурских гилияков, всякая болезнь зависит от «кинза», который гложет человека, пока не заест его насмерть. Что относится одинаково ко всем, умирающим от какой-либо болезни. Не мудрено, что гилияки, при таких верованиях, не претендуют на место на небе для своих соотечественников, умерших от болезни. Эти остаются блуждающими по Земле. В то время как души убитых, а иногда даже и самоубийц, по их мнению, возносятся на небо²². Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. (СПб., 1903)

Таким образом, для наших предков главным был отнюдь не вопрос: «Предавать ли смерти безнадежно больного?» Это считалось решённым. Гораздо более важным было выяснить: «Кто возьмёт на себя ответственность за убийство? Кого будет преследовать дух убитого?» Ответ распался как бы на две части:

- Первая — это умерщвление человека в тот период жизни, когда человеку, прерывающему его жизненный путь, придется отвечать за совершенное деяние.
- Вторая — когда старик достигнет такого возраста, что за лишение его жизни никому отвечать не придется.

В первом случае тот, кто согласился оказать услугу желающему уйти к «верхним людям» старику, должен был серьезно задуматься о своей последующей безопасности. Дух болезни, который «кормится» на упомянутом старике, не допустит, чтобы его лишили пропитания, и будет преследовать убийцу с целью сделать теперь уже его своим «пищевым довольствием».

Такая ситуация не располагала к появлению добровольцев, желающих помочь старику уйти к «верхним людям». Зачастую никто, даже за деньги, не соглашался выполнить это действие. Поэтому в большинстве случаев убийцами старика становились его дети. Правда, иногда, понимая, что их ожидает, отказывались даже они²³, что ставило старика в исключительно сложное положение.

Однако чаще всего кто-то из родственников, тяжело вздыхая, все же соглашался выполнить требуемое. Чтобы всё, по-возможности, прошло для него без последствий, будущий убийца принимал необходимые меры. Их особенностью являлась относительная анонимность исполнителя, что достигалось особыми условиями проведения умерщвления:

...С наступлением последней минуты в толпе воцаряется глубокая тишина. Находящийся в одиночестве в уресе старик-чукча, одетый по-праздничному, с приподнятою верхнею одеждою садится на постель, плотно прижимаясь к стене полога левым боком, совершенно обнаженным. Совершитель убийства из-за урусы протыкает копьем стенку полога и через это отверстие просовывает острие старику. Тот прикладывает острие к своему боку, направляя его между ребер, пониже подмышки и громким голосом кричит: «Убивай скорее!». Тот в один миг ударяет ладонью со всего размаха в оконечность древка, и острие, пройдя поперек всю полость груди, выходит наружу с противоположной стороны. Из урусы доносится только один пронзительный крик, после которого убивающий в один миг вытаскивает смертоносное орудие. (Августинович 1878-1879 гг.)

---

²² Интересно, что сами гилияки обычно представляли «кинза» не в образе животного, а в образе человека с двумя или тремя человеческими головами. Причем одна из голов приписывалась тому человеку, которого данный «кинза» съел.

²³ В.Л. Серошевский приводит записанную им в 1885 году в Якутии фразу в адрес сына, допустившего естественную смерть своего отца: «Черный пес, позволивший чёрту съесть своего отца».

Так обстоят дела с благородным лишением жизни тяжелобольных стариков, за что убивающий несет ответственность. И как уж он в дальнейшем будет «выкручиваться», стараясь избежать внимания духа убитого, — его проблема. Более грамотные, однако, знали: в жизни этих тяжелобольных существует очень короткий период, в который они могут быть убиты, и убившему их совершенно ничего не будет. Период действительно очень короткий (как правило, не более 3-х дней) воспринимаемый в традиционном обществе как самый последний этап человеческого существования. Время, когда человек ещё жив, но земная судьба его практически закончена. Он отработал свой кусок жизни, а посему оставшиеся 3 дня до смерти является абсолютно безгрешным, как и новорожденный до момента отпадения пуповины. В эти дни он считается одной ногой зашагнувшим за черту жизни и уже перенёсшим туда свой дух. А потому можно достаточно безопасно для себя отправить его в лучшие миры.

Что же касается срока, выбираемого для эвтаназии, то 3 дня, конечно, определяются условно. Если говорить точнее, срок должен быть равен времени от рождения до отпадения перевязанной при родах пуповины. Правда, этого никто и никогда, наверное, не помнит. А потому окружающиеся обычно полагались на знаки смерти, которые неизбежно появлялись на теле умирающего. Они подразделялись на указующие и завершающие.

Знаки смерти

Арба начинает скрипеть за 40 дней до того, как развалится Туркменская поговорка

Самым ранним знаком, указывающим на фактическую неизбежность смерти, является неожиданное улучшение состояния у, казалось бы, совершенно уже безнадежного человека. Это касается как людей безнадежно больных, так и безнадежно старых. В рассказах, которые свидетельствуют о последних днях умирающего, достаточно часто проскальзывают сообщения, типа:

«3 апреля врач Наполеона констатировал резкое ухудшение состояния своего больного. Генерал Бертон взялся подготовить императора к смерти. Однако через некоторое время, примерно за 10 дней до кончины, Наполеон вдруг почувствовал неожиданное улучшение своего состояния. Врач отлучился в аптеку, а он приказал принести вино, фрукты, бисквиты, выпил шампанского, съел немного слив и винограда. Когда доктор вернулся, император встретил его громким смехом. Однако на следующий день снова наступило ухудшение, которое закончилось смертью...»

Таких свидетельств множество, и, в большинстве своём, процесс протекает по одной и той же схеме: «Вялое течение тяжёлого заболевания — неожиданный и непонятный всплеск активности — угасание». Разнятся только детали и сроки. Повторимся, что подобное происходит не только с больными, но и с очень старыми людьми:

«Рассказывают, что Вячеслав Молотов, бывший сталинский министр иностранных дел, будучи изгнанным и из партии, и из правительства, первое время был председателем партийной организации какого-то завода на периферии, а потом вышел на пенсию и жил тихой жизнью советского пенсионера. Он потихонечку «сдавал», отходя от дел, в том числе и домашних, тем самым, давая понять родственникам, что конец его близок.

И вдруг, однажды, прочитав газету «Правда», Молотов неожиданно потребовал от родных:

— На пять часов пригласите ко мне на беседу Шеварнадзе!

Родственники немного перепугались, ибо ни с того, ни с сего Вячеслав Михайлович снова почувствовал себя главой правительства, отвечающего за внешнюю безопасность страны. Не зная, как вести себя в подобной ситуации, родственники решили спустить эту ситуацию «на тормозах». Дескать, ну взбрендило старика, но ничего забудет. И не такое забывал.

Однако Молотов неожиданно оказался мало того, что памятьлив (чего за ним уже давно не замечалось), но и активен. К пяти часам он переоделся в свой парадный костюм и уселся, как и было обещано, ждать нынешнего министра иностранных дел — Шеварнадзе. Надо было что-то делать. Домашние посоветовались и в вежливой форме сказали ему, что Шеварнадзе просил передать, что не может подъехать к 5-и часам, но подъедет как только сможет. Вячеслав Михайлович выразил неудовольствие, подумал и пошёл снимать костюм. В этом состоянии (приподнятого ожидания) он пребывал ещё пару дней, но потом забыл и снова вернулся к своей старческой жизни. Вскоре он заболел воспалением лёгких и достаточно быстро умер...»

Суть неожиданного улучшения состояния перед смертью очень хорошо отражает калмыцкая поговорка: «Светильник, перед тем как потухнуть, вспыхивает». Данный факт, собственно, и является главным указующим знаком для умирающих и их родственников. Получив его, человек должен был, используя последний приток жизненных сил, привести в порядок дела, написать завещание и со всеми попрощаться. Как правило, это была последняя возможность для умирающего проделать всё необходимое, находясь действительно в здравом уме.

После краткого периода активности, смертельно больной или умирающий от старости снова возвращался в своё состояние угасания, продолжительностью, как правило, не более 40-ка дней. И где-то совсем незадолго до предполагаемой смерти (дня за три) появлялись физиологические знаки, свидетельствующие о том, что смерть близка и неминуема. К таковым, по народным наблюдениям, относятся:

- Резкое увеличение глазных зрачков. Они расширяются практически до размеров всей радужки глаза.
- Округление глаз, приводящее с одной стороны к немиганию, а с другой, к эффекту, так называемых «вытарашенных» глаз.
- Побеление и скашивание набок кончика носа.
- Побеление верхней губы (в той области, где растут усы).
- Убегание с его тела вшей.
- Резкое посинение переносицы.
- Дыхание, осуществляемое сразу через две ноздри (фиксируется карманным зеркальцем)
- Болезненная реакция на резкие и шумные звуки, с неспособностью определить их источник.
- И другие.

Все это, в совокупности (по одному знаку делать такие выводы нежелательно), давало понять, что человек находится на грани неизбежной смерти. Это и было для родственников указанием, что его жизненная судьба закончена, и во избежание захвата души духами старости или болезни, он скорейшим образом должен быть предан смерти.

У некоторых народов Сибири расставанию со стариками посвящался праздничный ритуал. В честь ухода старика к «верхним людям» закалывали оленя.

В ходе этого праздника старику предлагались самые жирные и вкусные куски. Когда же он пресыщался и уже больше не мог глотать, его сын забивал его рот и гортань оставшимися кусками, прекращая тем самым доступ кислорода.

«Ангелы» смерти

Когда родственники принимали решение помочь умирающему закончить свой путь, наступал момент истины. Кто-то должен был отважиться и взять на себя роль убийцы. Кто-то должен был стать «ангелом» смерти. Обычно желающих, как мы уже говорили, не находилось, ибо все знали, что перед мёртвым придётся отвечать. Да, сейчас он на смертном одре, со слезами на глазах просит помочь, дабы не оказаться добычей демона болезни. Но совсем не значит, что именно в том же состоянии духа он будет пребывать, будучи мертвецом. Как раз наоборот, стоит ожидать, что за чертой жизни мёртвый призовет к ответу того, кто, по его же собственной просьбе, лишил его жизни. Именно данное обстоятельство удерживало родственников от желания помочь лично.

Когда-то автору этих строк доводилось изучать жизнь русской деревни 19-го века, и его весьма затронул факт, что при русских деревнях дозволялось жить конокрадам. Все знали, что этот человек — конокрад, но ему разрешалось проживать в пределах данного селения. Правда, жил-то он всё-таки на отшибе, но тем не менее. Вначале я подумал, что это ошибка или описка летописателей. Оказалось, нет, они повторяют это неоднократно. «О, ужас, — думалось мне, — теперь понятно, почему в России так распространено воровство!»

По мере начитывания материала оказалось, что моё восприятие бытности русской деревни было плоским и односторонним. И мало чем отличалось от мнения европейцев, что все русские — воры. Оказалось, конокрадам жить в селении разрешалось, но на определённых условиях. Во-первых, они не имели никакого права украсть что-либо в этом селе. За это просто забивали насмерть. Во-вторых, их не просто допускали жить рядом — их использовали. Использовали в тех ситуациях, когда обычный селянин не решался что-либо предпринять, а дело того требовало.

К примеру, в природе существуют времена, когда мир «тамошний» и мир «тутошний» соприкасаются. Именно в такие моменты происходит активное проникновение в «наш» мир потусторонних существ. Одни из них добрые — это наши умершие родственники, другие злые — неуспокоенные существа разного калибра и степени вредности. Умерших родственников селяне ритуально кормили, парили в баньке и всячески ублажали, а от «вреднюг» — открещивались.

Правда, любой мало-мальски грамотный крестьянин понимал, что от зла в целом откреститься сложно, проще отдать ему малую часть, тогда оно успокоится и больше донимать не будет. Именно поэтому во время определённых религиозных праздников в деревнях происходили ритуальные бесчинства «нечистой силы». Крестьянин утром просыпался и видел, что у него либо ворота сняты с петель и унесены прочь, либо телега лежит на крыше сарая, либо случилось ещё что-то из ряда вон выходящее. Кряхтя и тихо матерясь, хозяин звал домашних, и они совместными усилиями наводили порядок. При этом ругаться он, конечно же, ругался, но в душе был доволен, поскольку считалось, что тот дом, который таким образом «отмечен нечистой» силой, повторному посещению вредоносных сил уже не подлежит. На целый год крестьянин мог быть спокоен. Как говаривали позже на фронте: «В одну воронку снаряд дважды не падает!»

Роль «нечистой силы», по ночам переворачивающей телеги, обычно исполняла сельская неженатая молодёжь. Но заметную лепту вносили и иные персонажи. В частности, конокрады. Запрет на кражи в своем селе во время подобных ритуальных праздников отменялся.

Конокрады крали понемножку, дабы и не слишком разозлить хозяев, и выполнить свои обязанности. Если же кража случалась крупная, то после праздников украденное возвращалось.

Конокрадов, а кроме них ещё вдов, бобылей, колдунов, ведунов, цыган, евреев, кузнецов и просто чужаков, крестьяне использовали и при иных ритуальных потребностях. Во время зачинания и оканчивая дел, для усиления плодородия полей и скота, для защиты от вредоносных существ, для лечения и зубодраия и во многих других подобных случаях.

Особая роль отводилась «чужакам» в похоронных обрядах. Считалось, что предпохоронной и непосредственно похоронной деятельностью родственникам умершего заниматься не следует. Они должны присутствовать на похоронах, но не готовить их. Тем не менее, кто-то же должен был рыть и закапывать могилу, обмывать, одевать умершего, закрывать ему глаза и рот и совершать иные соответствующие событию действия. Этим-то и занимались разномастные чужаки, которых ради подобных моментов селяне терпели у себя под боком.

Важны были чужаки и когда тот или иной человек (или его семья) принимал решение об окончании жизненного срока в результате болезни или старости. Для русских православных деревень это, конечно, не характерно, но зато весьма широко использовалось в Сибири и на Севере. Когда больной, старик или опозоренный принимал решение уйти из жизни, он предпочитал не накладывать на себя руки самостоятельно. Для этой цели за деньги нанимали какого-то «чужака». И вовсе не потому, что их было не жалко. Нет, чужой (бобыль, колдун, нищий, чужестранец, вор и т.д.) считался человеком «сдвоенной» природы, то есть в нём присутствовали черты и «того» и «этого» миров. Данное обстоятельство облегчало ему возможность избежать наказания за совершённое преступление. Никаких гарантий, конечно же, не было, но лучших вариантов не было тоже.

Подобное восприятие реальностей свойственно многим древним культурам. Причём чем более культура стара, тем больше шансов, что подобные воззрения в ней наличествовали. Особая каста неприкасаемых существовала у зороастрийцев. Именно она ведала всеми похоронными и иными «тёмными» вопросами жизни и смерти. Были (и есть) неприкасаемые в индуизме. На них также возлагалось решение «подобных» проблем. Что, кстати, и определяло их неприкасаемость: они имели непосредственные отношения со смертью и потусторонним миром. Никто не считал их плохими, но они были «чужими» и потому однозначно отторгались обществом. Есть изгои у тамильцев. Именно с тамильского «парайан» в общемировом лексиконе утвердилось слово «пáрия». В Японии существовала каста «эта» (яп. «много грязи»), которая также занималась нечистыми, с точки зрения буддизма, делами (забой скота, выделка шкур, похоронные процедуры, чистка выгребных ям, обслуживание заключённых и т.д.)

Все эти люди, и им подобные, играли роль «ангелов смерти», облегчая нелёгкие реалии человеческой жизни.

Заключение

Когда книга, ещё в черновике, давалась для ознакомления разным людям, реакция на прочитанное была неоднозначной. Кое-кто благодарил, иные же настойчиво убеждали автора, что написанное — полная чушь, и в 21-веке жить подобными предрассудками просто смешно. Что после смерти ничего нет, а потому даже думать на эти темы незачем. Современная культура уже вынесла свой вердикт: самоубийство — это блажь слабовольных вырожденцев, кровавая месть — ужасный атавизм злобных дикарей, а эвтаназия — наглая попытка безответственных людей взять на себя функции господ Бога. Этот вердикт, подкреплённый системой наказаний, серьёзный барьер в общественном устройстве. И это действительно так.

Однако, люди всё равно топятя, вешаютя, убивают кровников, заменяют питательные растворы капельниц на цианистый калий. И конца этому не видно. Количество самоубийств в

России превосходит количество смертей в дорожно-транспортных авариях в полтора раза (51 тыс. человек в год к 36-ти). На количество убитых кровников и отошедших в мир иной инвалидов и беспомощных стариков статистики просто нет, но если бы она была цифры не показались бы нам утешительными. И Россия здесь не исключение, в других странах эта статистика также печальна.

Так что же делать? На наш взгляд ответ прост – давайте думать не только и не столько о дне сегодняшнем, а о дне завтрашнем. Давайте готовиться к нему, совершенствуя себя в этой жизни, ибо мы уже ничего не сможем сделать с собой в жизни «иной». Давайте, делая, думать – а как отзовется наше действие на существование в ином мире. Возможно, тогда наши действия наполнятся более высоким смыслом и проблемы связанные с преждевременным уходом из жизни отомрут сами собой. И, кстати, возможно тогда мы сравняемся с нашими предками, чьи деяния наполняют нас гордостью и энергией осмысленного существования.

Список литературы:

1. Обычай «добровольной смерти» у примитивных народов // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934-1954 гг. М., 2004
2. Книга оракулов (пророчества пифий и сивилл) М., 2002
3. Сажнев А. Ванга — таинственный дар. М., 2004
4. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2005
5. Карл Клемен. Жизнь мёртвых в религиях человечества. М., 2002
6. Фрезер Д. Золотая ветвь М, 1983
7. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936
8. Симаков Г.Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии. Ритуальный и практический аспекты. СПб., 1998
9. Книга загробных видений. СПб., 2006
10. Лаврин А. Хроники Харона (энциклопедия смерти) М., 1993
11. Медведьев П.П. Круг жизни. СПб., 2005
12. Лапкин А. «О сбываемости сказанного» // В сб. «Практическая эзотерика XXI век» СПб., 2006
13. М.И. Стеблин-Каменский. Мир саги. Становление литературы. Л., 1984.
14. И.А. Дворецкая, Г.Т. Залюбовина, Е.А. Шервуд "Кровная месть у древних греков и германцев", Москва, 1995
15. Смирнов Ю.А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения // Исследования, тексты, словарь. М., 1997
- 16.
17. Кельтская мифология (энциклопедия). М., 2004
18. Филида Аннам-Аире. Кельтская книга смерти. Ростов-на-Дону, 2006
- 19.
20. Тюлина Е.В. Гаруда-пурана. Человек и мир. М., 2003
21. Четыре стадии смерти // В книге: Ветров И.И., Кузьменко А.В. Основы аюрведической медицины. СПб., 2004
- 22.
23. Гофман О. Русская книга мёртвых. СПб., 2003
24. К вопросу о русалках (культ покойников, умерших неестественной смертью, у русских и у финнов) // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901-1913 гг. М., 1994
25. Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002
26. Славянские древности (этнолингвистический словарь) тт. 1-3 М., 2004
27. Левкиевская Е. Мифы русского народа. М., 2005

28. Георгиевский Э.В. Кровная месть и смертная казнь у славян // Сибирский Юридический Вестник. — 2005. — № 1
29. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. М.- Л.,1966
30. .
31. Большаков А.О. Человек и его двойник. СПб.,2001
32. И.В.Рак Египетская мифология. М.,2004
33. Мюллер М. Египетская мифология. М.,2006
34. Кеес Г. Заупокойные верования древних Египтян. СПб., 2005
35. Египетская «Книга Мёртвых» («Папирус Ани» Британского музея) М., 2003
36. Древнеегипетская «Книга мёртвых». Слово устремлённого к свету. М.,2006
37. Шапошников А.К. Древнеегипетский погребальный культ // В книге: «Древнеегипетская «Книга мёртвых». Слово устремлённого к свету». М.,2006
- 38.
39. Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.,2002
40. Кармышева Б.Х. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М.,1986
41. Писарчик А.К. Смерть. Похороны. // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе 1976, ч.Ш
42. Бабаева Н.С. «Давра» — выкуп грехов умершего // Этнография Таджикистана. Душанбе 1985
43. Казиев Ш.М. Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М.,2003
- 44.
45. Снесарев Г.П. Маздеистская традиция в погребальном обряде народов Средней Азии. М.,1960
46. Джал Дастур Керседжи Паври. Зороастрийская доктрина загробной жизни (с момента собственной смерти и до моста Чинват). М.,2004
47. Авеста. Видевдат. Фрагард восьмой. // Вестник древней истории. 1994, №1
48. Мейтарчян М.Б. Погребальные обряды зороастрийцев. М.-СПб.,2001
49. Стеблин-Каменский И.М. Прижизненные поминки – зороастрийский обряд в мусульманском обиходе // Эрмитажные чтения. Памяти В.Г.Луконина СПб., 1995
- 50.
51. Тибетская «Книга мёртвых». Бардо Тхёдол. М., 2005
52. Согьял Ринпоче. Книга жизни и практики умирания. М.,1998
53. Тселе Натсок Рангдрол. Зеркало полноты внимания. М.,1998
54. Арага Карма Чагме. Путь через врата смерти. Улан-Удэ., 1999
55. Смерти вопреки (антология секретных учений о смерти и умирании в традиции «Дзогчен» тибетского буддизма). М.,2003
56. Царёва Г.И. Серебряная нить // В кн. Согьял Ринпоче «Книга жизни и практики умирания». М.,1998
- 57.
58. Почему божество медлит с воздаянием // Плутарх. Изида и Озирис. М.,2006
- 59.
60. Шишло Б.П. Среднеазиатский «тул» и его сибирские параллели // Домусульманские верования и обряды Средней Азии. М., 1975
61. Рахимов М. Обычаи и обряды, связанные с похоронами у таджиков Кулябской области // Известия АН Таджикской ССР, 1953, №3
62. Писарчик А.К. Смерть. Похороны //Таджики Каратегина и Дарваза. 1976, вып.3
63. Муродов О., Мардонова А. Некоторые традиционные погребальные обычаи и обряды у таджиков // Этнография в Таджикистане. Душанбе, 1989
64. Мардонова А. Архаические обряды и верования гиссарских таджиков. Похоронно-поминальный цикл. Автореферат дис.канд.ист.наук. Л.,1989

65. Литвинский Б.А. Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный восток в древности. М.,1983
66. Кармышева Б.Х. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М.,1986
67. Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.,1999
68. Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.,1975
69. Гостиева Л.К., Сергеева Г.А. Погребальные обряды у мусульманских народов Северного-Кавказа и Дагестана // Северный Кавказ: бытовые традиции в XX веке. М.,1996
70. Бабаева Н.С. Прижизненные поминки как пережиток ритуального убиения старых людей // Этнография в Таджикистане. Душанбе.,1989
71. Алекшин В.А. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. 1993, №1
72. Абдуллоев Д. Пережитки зороастризма в Среднеазиатском мусульманском погребальном обряде // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб.,1996 вып.10